



Дженни КОЛГАН

Никто, кроме Дженни Колган, не создает такой уютной романтики, уводящей вас в дальние дали.

Sunday Express

Рождество на острове

Сладкое угощение,
пробуждающее воспоминания!

Джоджо Мойес



Дженни Т. Колган
Рождество на острове
Серия «Остров Мур»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66731090

Рождество на острове: Иностранка, Азбука-Аттикус; Москва; 2022

ISBN 978-5-389-20628-1

Аннотация

Как встречают Рождество на шотландском острове Мур – суровом, но невероятно красивом? Устраиваются поудобнее перед теплым камином в приятной компании, поднимают бокалы, обмениваются хорошими новостями... Но что делать, если об одной из этих новостей как-то неловко сказать вслух? В общем... Флора готовится преподнести бывшему боссу большой рождественский сюрприз. Вот только обрадуется ли Джоэл?

А кто-то впервые отмечает светлый праздник здесь, в северном краю. Непросто живется отцу-одиночке с двумя сыновьями – их родина осталась далеко. Сможет ли маленькая семья обрести утешение, радость и новый дом на гостеприимном Муре? Ответ на этот вопрос можно найти в повести «Далекий берег», которая рассказывает предысторию некоторых героев романов, посвященных острову Мур.

Впервые на русском языке!

Содержание

Рождество на острове	6
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	45
Глава 6	49
Глава 7	53
Глава 8	61
Глава 9	65
Глава 10	71
Глава 11	76
Глава 12	79
Глава 13	81
Глава 14	85
Глава 15	93
Глава 16	102
Глава 17	108
Глава 18	114
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Дженни Т. Колган

Рождество на острове

(Сборник)

© Т. В. Голубева, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021

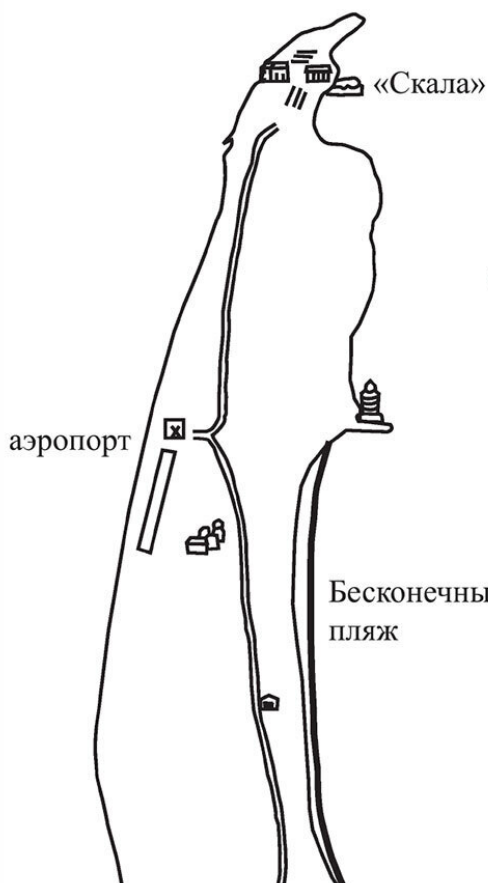
Издательство Иностранка®

* * *



Рождество на острове

*Посвящается памяти Кейт Брили (1979–2018),
с любовью от всей твоей шумной семьи*



КАРТА
острова Мур

Остерегайтесь снежных танцоров. Они прекрасны и светлы, и ох как умеют танцевать – и вы подумаете, что они собираются унести вас куда-то. Они являются под звон колокольчиков, и крутятся, и шелестят, и вы будете танцевать вместе с ними до упаду, а они окружают вас и начнут тянуть за собой: «Идем с нами, дитя... ты сможешь танцевать, танцевать и танцевать...»

И многие теряются, гонясь за снежинками, а те кружатся, и смеются, и исчезают, оставив детишек замерзать на берегу. Но все равно детей не перестает манить их далекий перезвон и истории о ледяных горах и таинственных ледяных королях.

А иногда дети окончательно погружаются в этот снежный танец, пропадают в нем, и больше их не находят. Но возможно, они радостно танцуют в ледяном бальном зале Короля Бездны. А может, и нет. В общем, лучше не рисковать...

Глава 1

Зимой утренние часы очень темны на Муре, крошечном островке, что лежит к северу от северного побережья Шотландии, на полпути к Исландии, или, как иногда кажется, на полпути к Северному полюсу, особенно если дует западный ветер.

Но Мур прекрасен, он уютен, наполнен энергией и изумительно чист, когда разбегаются тучи, хотя ночи тянутся долго, очень долго.

Собакам, конечно, все равно, темно вокруг или светло. Они инстинктивно знают, когда приходит время просыпаться и браться за работу. А у них масса дел: принимать, надеясь на вкусный кусочек, и проявлять недовольство, когда они чуют дурной запах.

Я бы не стала утверждать, что вы обязаны держать дома собаку, если вы живете на Муре, но я не вижу никаких причин к тому, чтобы не иметь ее, как не видят их и жители острова. Здесь безопасно, машин тут почти нет, а те, что есть, не ездят слишком быстро по ухабистым фермерским дорогам.

Здесь есть прекрасные вересковые пустоши, и бухточки, и пляжи, и великое множество разных палок, и тюлени, на которых можно лаять, и овечий помет, в котором можно изваляться, и масса других собак, с которыми можно поиграть, и теплые очаги, перед которыми можно улечься, когда надо-

едает носиться туда-сюда, и никого не сажают на цепь, и позволяют заходить в паб... Мур – настоящий рай для собак.

И многие люди соглашаются с собачьей оценкой происходящего.

Фермерские собаки спят в амбаре, где на них дышат теплом коровы, а под ними лежит теплое сено. На ферме Маккензи – расположенной на небольшом холме в южной части острова, прямо у главной улицы с розовыми, желтыми и красными магазинчиками, раскрашенными ярко и представляющими контраст с низким зимним небом и вселяющими бодрость в темные месяцы, – собаки спят именно в амбаре, довольные всем, и их лапы дергаются во сне, потому что им видится, как они гоняются за овцами.

Там спят все собаки, кроме Брамбла, самого старого и самого любимого из всех пастушеских псов. Он давно уже не занимается делом, но никто не пытается согнать его с привычного места: так близко к дровяной плите в старой фермерской кухне, как только может улечься собака без риска спалить шкуру. Он громко сопит и храпит, но склонен подниматься очень рано, что Флоре, живущей здесь, кажется глупым: если этот старый пес спит по двадцать часов в сутки, то зачем ему вскакивать между пятью и семью часами утра?

Хотя, если честно, сама Флора тоже встает рано, потому что ей нужно отправляться на работу – в «Кухню Анни», что на главной улице. Но расстояние до нее невелико.

Вдоль главной улицы выстроились желтые и мятно-зеле-

ные лавки сувениров, блекло-синяя аптека, салон красоты, недавно выкрашенный в цвет фуксии, который никому не нравится, и светло-оранжевая рыбная лавка. Там же находится старый, облупившийся черно-белый отель «Харборс рест», который все используют как бар и место, где отмечаются разные события – свадьбы, поминки, дни рождения, юбилеи. Управляет отелем, довольно небрежно, Инге-Бритт, женщина из Исландии, – у нее нет собаки, потому что ей нравится поваляться по утрам, пусть даже на липких столах стоят со вчерашнего дня пивные кружки.

А через два дома от отеля находится светло-розовая «Летняя кухня Анни». Флора вернулась на остров около года назад в качестве помощника юриста. Она выросла на Муре, а потом, много лет назад, ее увлекли яркие огни Лондона. Флора думала, что никогда уже не вернется на остров. Она и думать об этом боялась.

Но жизнь частенько подбрасывает вам то, чего вы и не ожидали, и Флора снова влюбилась в край своих предков, как и тот юрист, который вернул ее сюда, – Джоэл Биндер.

Джоэл... Ну да. Сложный человек. Но Флора любит его вне зависимости от этого, а может, немножко и в зависимости. Флора, скажем так, не боится трудностей.

В общем, Флора выбирается из постели, потому что знает: если она не встанет сейчас, отец поднимется раньше нее, а она не в силах вынести даже мысли о том, что его старые, пораженные артритом ноги зашагают по ледяному каменному

полу кухни до того, как она успеет растопить плиту и поставить чайник. Он может встать и тогда, когда услышит свист.

Флора отводит с лица спутанные волосы. Она выглядит необычно, наша Флора, хотя и не для островитян: многие поколения на островах смешивалась кровь кельтов и викингов, а это значит, что у нее самая светлая кожа, какую только можно представить, белая, как пена на волнах, и волосы не как у блондинок и не каштановые, а почти бесцветные, и светлые глаза, которые в зависимости от погоды меняют цвет от голубого к зеленому и серому.

В Лондоне Флора терялась где-то на задворках. Здесь же она – часть бурного, пенного моря, бледных утесов, она сливается с белыми чайками и тюленями. И выглядит как часть ландшафта.

Сонный старый Брамбл в это время уже полон энергии, его огромный хвост смахивает все, что забыли на низких стульях, когда Флора обнимает его, разжигает огонь, а сама идет под душ. Джоэла сейчас нет на острове – он в Нью-Йорке, вернется к Рождеству, и по ряду причин в темные, тихие утренние часы Флору это устраивает.

Они выходят на улицу вместе, Флора и Брамбл. Флора думает о том, что сегодня должны сделать она и Айла и Иона, две хорошенькие девушки-островитянки, которые работают с ней в кухне и в кафе: печенье, пироги, пирожки с начинкой и побыстрее продать фруктовый пирог... Флора начала печь фруктовые пироги в начале ноября, потому что хо-

роший рождественский пирог должен долго созреть, она продает его порциями. Потом она рискнула готовить каждый день по такому пирогу, не уверенная – в особенности из-за того, что ингредиенты дороги и их трудно найти на острове, – стоит ли дело того, или они могут остаться в январе с десятком нераспроданных фруктовых пирогов.

Как бы то ни было, в начале декабря, то есть всего неделю назад, пироги уже исчезли. Некоторые люди покупали по порции каждый день, и Флора подумывала о введении системы квот, просто ради сохранности их же собственных кровеносных сосудов.

В «Кухне» давно уже действовала система скидок, ставшая просто необходимой: она помогала предприятию выжить зимой без того, чтобы обирать низкооплачиваемых рабочих, живших на острове круглый год. А летом Флора могла повысить цены для туристов и тех, кто приезжает на остров отдохнуть. Система скидок приносила доход, и Флора теперь готовила каждый день по фруктовому пирогу, несмотря на стоимость ингредиентов – только высшего качества, – и выдерживала их потом необходимые три недели.

Брамбл доходил до дверей «Летней кухни» и не делал ни шагу дальше, хотя ему и хотелось. Но он знал правила. Флора весьма строго относилась к соблюдению чистоты в кафе. А вот Инге-Бритт могла позволить ему войти в «Харборс рест» и болтаться между столами в поисках заваливавшихся орешков арахиса, но Инге-Бритт еще не проснулась.

Поэтому Брамбл терпеливо отправился на ежедневную прогулку.

Миссис Макферсон, как обычно, уже ковыляла по главной улице вместе с Бренди, ее шотландским терьером. Она говорила Флоре, что после семидесяти совсем перестаешь спать, и Флора старалась сочувственно улыбаться, гадая, сколько миссис Макферсон может спать на самом деле, если ей выпадет хоть малейший шанс. По понедельникам, когда кафе бывало закрыто, Флора не выбиралась из постели до обеда, а если Джоэл был здесь, она старалась взять выходной, и... ну, это приводило ко многому...

...но она не станет думать об этом сейчас.

Брамбл поздоровался с Бренди, вежливо обнюхав зад другого пса, потом отправился к киоску, где Иэн, торговавший там, мог дать ему вчерашнюю газету. Сегодняшняя пресса приходила только с первым утренним паромом в восемь утра, что совершенно не беспокоило отца Флоры. Он каждый день покупал газету, но утверждал, что все это чистый хлам, так что вряд ли имеет значение, когда именно придут новости.

Пес Иэна, Риксон, лежал в глубине киоска. Он лениво заворчал. Старый пес провел слишком много лет, защищая Иэна, разносившего газеты, от других собак, лаявших на него, и от мальчишек, желавших стащить дешевые конфеты, так что он был, честно говоря, немного ворчлив. Как и Иэн, если уж на то пошло. Они представляли собой хорошую па-

ру.

Брамбл, как обычно, держался подальше от Риксона, когда Иэн трепал его по голове и выдавал «Хайленд таймс». Потом Брамбл уверенно вернулся на главную улицу, пройдя мимо Пикла – чудовищно избалованного терьера миссис Маккрори, который, к немалому ужасу всей деревни, ел только жареных цыплят, как нравилось сообщать всем его хозяйке. Собаки на Муре были в основном рабочими псами, они существовали здесь как часть ферм и домашних хозяйств. И многие островитяне еще помнили времена, когда жареные цыплята были роскошью для местных: вам скорее приходилось есть тюленей – как и теперь делали многие, – а главным ежедневным блюдом была рыба.

Брамбл не стал останавливаться и у пристани, где постоянно болтался Грей – здоровенный разбойник смешанных кровей со светлыми северными глазами, этот пес каким-то образом добрался до Мура с русского рыболовного судна – поговаривали, что на самом деле это бритый волк. Пес долго бродил вокруг причалов, пока рыбаки не начали его подкармливать, бросая ему то, что даже птицы есть не хотели. Грей оторвал взгляд от горизонта, но, увидев, что мимо идет всего лишь Брамбл, фыркнул и снова уставился на море. А Брамбл гордо стучал когтями по древним камням, высоко держа голову, гордый тем, что несет газету, выполняя свой повседневный долг.

И Бесконечный пляж Брамбла не заинтересовал, – этот

пляж начинался у северного конца главной улицы, прямо перед старым домом шотландского пастора, временно занятым Сайфом Хассаном, одним из двух докторов острова, – второй был практически бесполезным, – беженцем из Сирии, и его двумя маленькими сыновьями, Эшем и Ибрагимом.

Сайф, конечно, ощущал приближение Рождества – и кто бы мог этого не заметить при бесконечной телевизионной рекламе и потоке малопонятных официальных писем из школы насчет чайных полотенец и календарей и чего-то, что называлось «пантомимой», – даже порывшись в «Гугле», Сайф не разобрался, что тут к чему.

Но мальчики были полны радостного волнения. Когда же Сайф наконец понял, в чем суть этого праздника, он, учитывая, что разница в возрасте сыновей составляет всего два года, – то есть оба они на самом деле еще малыши, – захотел устроить для них самое прекрасное Рождество.

Если бы Брамбл не был так ленив и пробежался по пляжу, он мог бы встретиться с Майлу и его хозяйкой, Лорной Маклеод, которые устраивали пробежку до начала занятий в школе, пусть даже в это время года на горизонте едва появлялась бледная розовая полоска. Лорна держалась подальше от дома пастора. Она уже год была безответно влюблена в Сайфа, но он по-прежнему любил свою жену, хотя и не представлял, где она может быть – то ли застряла где-то на дорогах войны, то ли умерла, или еще хуже... Никто этого не знал.

Сейчас Лорна с огромной тоской оглядывалась на этот год. Некогда, до того, как вернулись мальчишки, Сайф мог встречаться с ней здесь, на пляже, где его можно было найти перед началом рабочего дня, – он ждал прихода парома, ждал вестей о своей семье.

А Лорна могла гулять с Майлу, и они с Сайфом разговаривали. Они стали друзьями – настоящими друзьями, – и оба ждали ранних утренних часов, пусть даже очень холодных и ветреных, а иногда таких прекрасных, что мир был виден на миллион миль вокруг, и небо раскидывалось над ними гигантским шатром, и день наступал настолько ясным и сияющим, что в это трудно было поверить, и шумел прибой, и кричали чайки, и невозможно было представить, что за далеким горизонтом может случиться что-то дурное.

Однако... Давно, когда они были друзьями, Лорна совершила ужасную ошибку, открыв свои чувства, и... ничего хорошего из этого не вышло. Ничего.

Поэтому она теперь держалась подальше от того конца пляжа, где стоял дом Сайфа. Да он и все равно был слишком занят теперь – воспитывал двух мальчиков, которые пришли в ее школу и медленно, очень медленно начинали привыкать к другим детям, понемножку избавляясь от акцента и нервозности... ну, по крайней мере младший, Эш.

Те два малыша, что холодным весенним днем прибыли на остров, истощенные, ожесточенные, не знающие ни слова по-английски, теперь изменились. Отличная здоровая еда, в

основном с фермы Маккензи, помогла им набрать вес. Ибрагим подрос на два дюйма и с каждым днем становился все более похожим на отца. Да... Лорна полагала, что это хорошо. Она должна была думать об этом именно так. Хорошее ведь иногда случается? И все же... все же иной раз ее мысли становились немного унылыми.

Этим утром вода была слишком холодной даже для Майлу, что случалось редко, и Лорна, накинув на голову капюшон куртки, повернула обратно к причалам. В школе не бывало более суетливого времени, чем Рождество. На голову Лорны сваливалось множество проблем.

Брамбл пробежал по соседней дороге, что вела к «Скале», великому проекту Колтона Роджерса, в настоящее время пребывавшему в некотором небрежении, в которое Брамбл сделал свой вклад, подняв заднюю лапу и пустив длинную струю на угол здания.

Колтон был наглым американским дельцом, он явился на Мур с целью покрыть весь остров ветряками и превратить его в прибыльное предприятие. Но дело кончилось тем, что Роджерс влюбился в это место, увидев его таким, каково оно есть, и устроился здесь навсегда.

Собаки Колтона были просто смешны: чистокровные хаски, выведенные скорее для выставок, чем для блуждания по снежным просторам, – голубоглазые и пугающе глупые, что, в общем-то, значения не имело, потому что от них ничего

и не требовалось, только стоять перед въездными воротами на манер больших белых скульптур да еще подойти поближе и пококетничать, когда Колтону приходилось сообщать людям, сколько он за них заплатил.

Но все это было до того, как Колтон заболел. У него был запущенный рак, и за ним ухаживал его партнер, брат Флоры – Финтан.

За собаками ухаживали слуги, а Финтан не думал ни о чем, кроме Колтона. Лечение Колтона состояло в основном из морфина, в таком количестве, какое он мог себе позволить, – а он, будучи миллиардером, мог позволить очень много, – и в таком количестве отличного виски, какое он был в состоянии проглотить, – виски тоже было очень много. А все вместе это значило, что Колтон постоянно дремал. Финтан практически забросил свою работу, чтобы заботиться о нем, но ему мало что приходилось делать. Опытных сиделок хватало, так что Финтан просто старался быть рядом, на расстоянии вытянутой руки, когда Колтон изредка приходил в себя. Но для Финтана это было самым тяжелым, что ему приходилось делать в жизни.

Брамбл решительно двигался вперед, вверх по холму, к фермерскому дому, высокомерно игнорируя Брэна и Лоувита – молодых овчарок, которым можно было целыми днями носиться по склонам холмов, но никогда не дозволялось лежать перед огнем в доме.

Когда Агот, племянница Флоры, была совсем еще малыш-

кой, ей даже и не говорили, что нужно держаться подальше от огня: Брамбл просто отпихивал ее подальше без предисловий. В результате кроха Агот привыкла устраиваться под теплым лохматым боком Брамбла, как под огромным, слегка пахучим одеялом. И хотя теперь девочке было уже четыре года, она не оставила эту привычку, а Брамбл ничего не имел против.

Брамбл размашистым шагом шел по грязной дороге. Зимний мороз потрескивал на полях, замораживая лужи, а воздух был настолько холодным, что от него перехватывало в горле. Пес носом открыл дверь дома и протопал по старым, истертым каменным плитам пола, все так же держа в зубах газету. Эк, отец Флоры, занимался чайником. Старик медленно обернулся – холодные утра последних дней значили, что он чувствовал себя как древний мотор, каждое движение давалось ему с трудом. Брамбл услужливо поднял голову повыше, чтобы Эк мог взять газету из его пасти. И точно в это время тостер выбросил два ломтя изумительного хлеба миссис Лаэрд – в нужный момент, чтобы их можно было намазать прославленным маслом Финтана, изготовленным на их ферме, – один для Эка, второй для Брамбла, мгновенно проглотившего угощение. Оба мирно уселись перед огнем, довольные друг другом, и начался новый день на Муре.

Глава 2

Хотя только первые из ранних пташек заходили в кафе с желанием выпить хорошего кофе и съесть кусочек сладкого пирога, Флора чувствовала себя уставшей. Эта усталость не походила ни на что испытываемое ею прежде: теперь она засыпала, едва опустив голову на подушку.

Ох, боже... Но как же сказать Джоэлу?

Нет, Флора не думала, что он ее не любит. Даже притом что ему трудно было выразить чувства в словах, она знала о них. Даже работая над проектами Колтона за морем, Джоэл хотел лишь одного: вернуться домой, к ней.

Но последний год выдался тяжелым. Флора наконец узнала об очень тяжелом детстве Джоэла, об отсутствии в его жизни родительской любви и заботы, она поняла, почему он нуждался в очень осторожном обращении. Джоэл никогда не знал настоящего дома, зато был хорошо знаком с домашним насилием, он сменил много приемных семей, пока наконец в возрасте двенадцати лет не осел в школе-пансионе, завоевав стипендию.

Умный, красивый и беспощадный, он отлично разбирался в корпоративном праве и во всех выгодах, которые приходили вместе с этим, – девушки, внимание, дорогие отели... Мысль о том, чтобы осесть на маленьком островке с бледной местной девушкой и за миллион лет не пришла бы ему в

голову. Флору до сих пор удивляло то, что Джоэл до такого додумался. Она не могла увидеть того, что видел Джоэл, потому что она родилась и выросла здесь. Но для Джоэла все было иначе. Чем больше времени он проводил на Муре, тем сильнее привязывался к острову. Он научился ценить мир, который следовал смене времен года, а не биржевым курсам, схему фермерского календаря, а не информационных каналов. Джоэл и во Флоре нашел нечто такое, чего никогда не бывало в его жизни: умственный покой. Он увидел домашнюю жизнь – а что могло быть более домашним, чем старая фермерская кухня Флоры, компания ее братьев, ее отец, дремлющий у огня, и вездесущие собаки, – все это взывало к его душе, хотя у него и был коттедж в комплексе «Скалы».

Джоэла это завораживало. А Флора и на секунду не осознавала, что все то, что она имеет и чего никогда не имел Джоэл, заключается именно в любящем доме. Поначалу Джоэла это пугало до судорог. Всю жизнь ему приходилось изо всех сил спешить, стараясь оставить как можно дальше в прошлом свое детство, он думал, что, если у него теперь есть собственный самолет и он носит дорогие костюмы, ему уже ничто не грозит.

Но этот остров подарил ему чувство безопасности, а Флора – чувство защищенности. И Джоэлу пришлось пережить тяжелый нервный срыв, пытаясь уладить дела Колтона в Манхэттене, чтобы наконец все осознать. Но ему все равно страшно было сказать об этом Флоре, выразить в словах.

Но Флора была терпелива. Очень терпелива. А куда ей было деваться? Она обожала Джоэла с тех самых пор, когда шесть лет назад пришла в его фирму на собеседование.

Вот только... Теперь случилось нечто такое, что ей, вообще-то, следовало предвидеть. Противозачаточные средства, купленные через Интернет, – когда живешь в местечке с населением около тысячи человек, тайные покупки через Сеть выглядят благодеянием наравне с электричеством, – плюс бесконечно длинные ночи, и уютные камины в «Скале», и тот, кого ты обожаешь много лет и кто появляется внезапно и хочет много, очень много секса...

В общем, понятно, как это происходит. Но, черт побери, время... время совсем не подходящее! Нельзя делать перерыв в работе...

Конечно же, Флора мечтала о том, чтобы иметь ребенка от Джоэла – когда-нибудь. И это «когда-нибудь» явно отстояло на века от сегодняшнего дня. На многие, многие годы.

Сначала они бы купили свой дом и обставили его, вместе выбрали бы все вещи... Ладно, она на самом деле не в силах была вообразить вселенную, в которой Джоэл действительно бы стал разбираться в рисунках обоев, так что это лучше забыть. Ладно. Хорошо. Может быть, они бы вместе купили милый домик... на Муре много домов продавалось, это точно. Они бы нашли что-то подходящее. Флоре виделся один из потрясающих современных экологических домов, как в журнале «Гранд дизайн», – сплошное стекло и деревянные

балки. Хотя Флора предпочитала быть честной с самой собой и признавала, что ей куда больше понравился бы дом со множеством диванных подушек, старых одеял, книг, чайных чашек, чем современный минимализм.

Как бы то ни было... Это просто ее мечты. И они так далеки от того, что есть на самом деле. Подушки и окна на юг. И если она двигалась вперед, Джоэл, пожалуй, отставал от нее на мили. На мили. Флора вздохнула. Джоэл с трудом оправился после тяжелого лета. На него свалилось много трудного, по-настоящему ужасного, и Флора вполне его понимала. Но ведь это Джоэл виноват в том, что у нее все переворачивается внутри каждый раз, когда он появляется в дверях...

В общем, работа в пекарне и отсутствие Джоэла давали ей небольшую передышку и возможность подумать над тем, как лучше обо всем ему сообщить.

Эта поездка Джоэла была частью того процесса, которым он уже занимался до этого: он продавал компании Колтона, который хотел распределить свой капитал между разными благотворительными фондами, никого при этом не настораживая, – и Флора очень тревожилась за него.

К счастью, вместо того, чтобы поселиться в каком-нибудь отеле, он остановился у своего психотерапевта. Его врач, Марк, знал Джоэла с детства – он был его детским психиатром, и они крепко подружились. Марк, не имевший детей, как-то раз признался Флоре, что больше всего в жизни сожалеет о том, что не взял к себе умного, испуганного мальчика

и не усыновил его, и теперь всю жизнь старался исправить свою ошибку. Он и его жена Марша были добрейшими из всех известных Флоре людей, и если кто-то и мог присмотреть за ее Джоэлом, когда ее самой не было рядом, так это они.

Ей пришло в голову, что она могла бы сначала поговорить с ними, а уж потом сообщать Джоэлу... Они определенно сумеют помочь.

С другой стороны, Флоре казалось неправильным просить у них профессионального совета, к тому же существовали и границы того, что Марк мог обсуждать с ней. И вообще это выглядело странно: рассказывать чужим людям до того, как обо всем узнает отец ребенка.

Ребенок! Даже при всех тревогах Флора не могла толком охватить это умом. Это казалось невероятной помехой... И ее пугала необходимость поговорить с Джоэлом. Она не могла себе позволить такое, у нее и времени-то для этого не было, да и фермерский дом едва ли подойдет младенцу, который может переползти через Брамбла и угодить в огонь...

Флора задумчиво погладила свой живот. Как бы то ни было...

Ребенок!

Глава 3

Снаружи было холодно, и Флора улыбалась своим посетителям, когда дверь хлопала под порывами ветра, впуская внутрь потоки ледяного воздуха, – лица приходивших отражали изумление бурей.

– Снег вот-вот повалит, – предупреждали старые леди, которые всегда об этом предупреждали, хотя он редко шел подолгу.

Снег мог кружить в воздухе, но ветер нечасто держался настолько долго, чтобы снегом засыпало землю. Снег на Муре всегда был чем-то живым, танцующим, стремительные вихри уносили его к горам и в глубокие ущелья между ними.

Флора помнила, как однажды, когда она была еще совсем крохой, мать как-то вечером увидела, что дочь танцует под снегопадом, и рассказала ей старую легенду о духах, живущих в снежинках: эти духи уводят детей, а Флора уже наполовину стала снежным ребенком, совсем синим, и что детям моря не следует смешиваться с детьми снега. Мать увела девочку в дом и отогрела густым горячим шоколадом. А потом проснулся Финтан и стал громко жаловаться на то, что кому-то дают горячий шоколад, так что и он тоже получил свою порцию, после чего детей отправили в постели, снабдив бутылками с горячей водой, и матушка, пахнувшая шоколадом и мукой, расцеловала их, и все стало хорошо.

Снегопад, как понимала Флора, не был причиной того, что она этим утром думала о матери и продолжала думать, даже замешивая густое тесто для фруктового пирога. Айла и Иона старательно готовили лепешки и сэндвичи для утренних посетителей.

Флора выглянула в кафе. Там уже была миссис Йоханссен, явно направлявшаяся на прием к Сайфу. Ей нравилось посещать врача каждую неделю, в общем, просто для того, чтобы поговорить о себе и своих недомоганиях, которых у женщины семидесяти восьми лет было на удивление мало. На самом деле миссис Йоханссен представляла собой некое медицинское чудо, была сильной как бык, при этом все предыдущие семьдесят семь лет она постоянно занималась тяжелым физическим трудом и ела много рыбы и турнепса.

К чести доктора Сайфа следует сказать, что, несмотря на загруженность работой, он относился к ней так же серьезно, как и ко всем остальным. В «Кухне» миссис Йоханссен обычно покупала простую лепешку и несколько раз проверяла, нет ли в ней изюма, потому что изюм плохо влиял на ее пищеварение.

Пришла уже и компания вязальщиц. Они не тратили много денег, просто пользовались чужим теплом, но Флора ничего не имела против: эти женщины покупали разные остатки у вязальщиц с острова Фэр-Айл, на юге, и превращали их в такие изумительные, затейливые изделия, что их вполне можно было считать местным производством. Вязальщицы

брали один чайник чая на всех и пару лепешек и устраивались поближе к радиатору, чтобы согреть пораженные артритом руки, искривившиеся за долгие годы работы спицами и иглами. Ритмичное постукивание спиц являло приятный аккомпанемент работе, вместе с неизменным гудением радио Би-би-си на гэльском языке, которое было включено весь день.

Снаружи кружились и танцевали снежинки, и Артур, дежавший для кафе изумительные керамические чашки и тарелки, а заодно и являвшийся преданным посетителем, с мрачным видом стоял у самой двери. Он поднял голову и посмотрел на Флору.

– Нет, – сказала она.

– Я просто говорю...

– Я прочитала твое прошение, – покачала головой Флора. – Если я начну пускать в кафе собак, к чему это приведет? Сюда явятся львы? Бизоны?

– На Муре не так уж много бизонов.

– А как насчет людей, у которых аллергия на собак? И что, если шерсть попадет в мои лепешки?

– Я просто... – Артур прищурился. – Ты сегодня что-то раздражена.

– Ничего подобного. Я просто устала из-за того, что приходится в сотый раз объяснять тебе по поводу собак.

– Это потому, что ты их не любишь.

– Артур! Да какой балбес может не любить собак? У меня

тоже есть собака! Просто я не хочу видеть следы их лап в муке!

За дверью низко, протяжно взвыл Руффало, огромный нечистокровный бигль, сам не имеющий ни малейшего представления о том, насколько он огромен.

– Если бы ты его не баловал, он бы не расстраивался из-за нескольких капель грязи, – сказала Флора.

– Тяжело смотреть на огорченного щенка, – задумчиво произнес Артур.

– Да весит он больше, чем маленький автомобиль! – возмущенно возразила Флора. – И я не заставляю тебя входить.

– Ну да, а сама печешь лепешки с сыром, – кивнул Артур. Флора согласно кивнула.

Дверь снова распахнулась, впустив новый поток холодного воздуха. Пришли Чарли и Джен, владельцы агентства «Приключения на воздухе», – иногда они устраивали экскурсии для разных корпоративных клиентов, чтобы заработать денег, а иногда бесплатно водили по острову неприкаянных детей, и с этим им время от времени помогал Джоэл.

– Тиарлах! – воскликнула Флора. Большинство жителей острова называли Чарли его гэльским именем. – Ты ведь не потащишь своих малышей в холмы в такой вот день?

Флора уже наливала Чарли такой чай, какой ему больше всего нравился. А он топал ногами, дул на пальцы и сгибал их, обогревая. Джен ничего особенного не делала, она, как обычно, просто оглядывала кафе с таким видом, словно счи-

тала радиаторы непристойной роскошью, а жизнь Флоры – легкой и ленивой.

– Ох, нет, – ответил Чарли, с благодарностью принимая чай.

Джен с подозрением следила за ними. Она не доверяла Флоре, которая когда-то целовала Чарли примерно десять секунд, когда Джен и Чарли еще даже не были обручены. Тот факт, что потом все было забыто и они поженились, не рассеяло напряжение, как на то надеялась Флора.

– Э-э-э... а ты выпьешь чая, Джен? – кротко предложила Флора.

– Я на работе, – ответила Джен таким тоном, словно Флора предложила ей двойную порцию водки с «Брю».

Чарли протянул Флоре деньги, Джен и их проводила взглядом, как будто ее возмутило то, что Флора берет плату просто потому, что это ее бизнес.

– Нет, – сказал Чарли, благополучно ничего не заметив, как обычно. Он вообще был человеком простым. – Нет, на этой неделе у нас деловые люди. Какая-то бухгалтерская фирма из Суиндона.

Флора поглядела в окно. Несмотря на то что было уже десять утра, снаружи было довольно темно. Она увидела группу мужчин и женщин, с несчастным видом стоявших перед кафе, на них были огромные непромокаемые плащи, раздуваемые ветром. Этим ребятам приходилось хуже, чем Руффало.

Флора не смогла сдержать улыбку:

– Скажи, что они платят тысячи фунтов за такое счастье.

– Так и есть, – серьезно ответил Чарли. – И им придется до обеда пересечь на каяках озеро Эррин.

– Бог ты мой, да они возненавидят эту экскурсию! – развеселилась Флора. – А им раньше приходилось плавать на каяках?

– Не-а.

– Там ведь рассаживаются четверками... Ты возьмешь для них чай?

– Не-а.

– Ох, Тиарлах, на тебя это не похоже! Такая жестокость!

– Это не жестокость. Ты посмотри на них.

Бухгалтеры из Суиндона сбились в кучу и о чем-то энергично спорили.

– Видишь? Они обсуждают, то ли им восстать, то ли просто уйти, и говорят о том, как они нас ненавидят. И они действительно нас ненавидят!

Флора кивнула:

– Меня это не удивляет.

– Но это как раз так и действует, – вмешалась Джен. – Командная работа. Они объединяются в ненависти к нам.

– А я и не знала, что это именно так. – Флора моргнула. – Но теперь, когда ты сказала, я понимаю. Но мальчишки-то получают булочки с сосисками.

Чарли пожал плечами:

– Мальчики получают все, что мы можем им дать... Ну хорошо, приготовь им на обед пятнадцать самых простых сэндвичей. Можешь даже на вчерашнем хлебе.

– Ни за что! – ужаснулась Флора.

– И припиши к счету доллар-другой.

– Ну, в этом уж точно нет необходимости, – проворчала Джен.

– Нет, сделай так, *yarta*, – сказал Чарли.

Местное ласковое словечко «милая» сорвалось с его губ раньше, чем он успел сообразить, и Джен тут же обожгла его бешеным взглядом, а Флора слегка поежилась, забирая у Чарли пустую чашку – у него была здесь собственная чашка – и вешая ее на крючок за прилавком. Она помахала им обоим рукой на прощанье.

К обеду погода ничуть не улучшилась, и уже ясно было, что день пойдет уныло, по крайней мере до трех часов дня, когда все заканчивают работу и, шагая по главной улице, решают, что им просто необходимо съесть кусочек рождественского пирога. К тому же рыбацкие лодки возвращались около четырех, а рыбакам требовались потоки чая и горы тостов, и их приходилось загонять в самый дальний угол кафе, чтобы они не пугали других рыбным запахом.

Флора решила ненадолго ускользнуть и покормить обедом Финтана, который стоял на бессменной вахте у Колтона. Летом они проводили много времени на пляже, и кто угодно

мог заглянуть к ним.

Но теперь, когда Колтон так ослабел, мало кто мог заглянуть к нему без повода, тем более что Колтон погрузился в себя. Теперь настало время семьи. И только семьи.

Флора уложила в контейнеры несколько камбрийских булочек и булочек с беконом и клюквенным соусом, с которым она в данное время экспериментировала, и пошла к старому грязному отцовскому «лендроверу».

Как только Флора открыла дверь, она сразу поняла, почему все приходящие сегодня выглядят такими нервными: погода еще больше ухудшилась по сравнению с утренней, и ветер теперь хватал тебя за горло, как только ты выходил наружу. И дул он прямо в лицо, так что Флора содрогнулась в теплой куртке, бывшей необходимой частью жизни на Муре, и натянула шарф на рот и нос. Маленькие снежинки, смешанные с дождевыми каплями, колотили ее по голове. Флора надвинула на лоб шапку с помпоном, но руки у нее все равно отчаянно замерзли, пока она дошла до машины, стоявшей в каких-то десяти метрах от входа, — в это время года парковаться можно было где угодно.

Старый ржавый мотор разогревался целую вечность, хотя это вряд ли имело значение, потому что ветер все равно без труда прорывался сквозь заднюю брезентовую стенку автомобиля. Но наконец Флора отправилась в путь.

Глава 4

Особняк Колтона производил впечатление. Когда-то он был домом приходского пастора, но затем его обновили и расширили, превратив в... ну да, в дом, подходящий миллиардеру, подумала Флора, проезжая по безупречно ухоженной гравийной дороге, мимо злых павлинов, которые наверняка ужасно мерзли. Невидимый охранник открыл перед ней ворота, когда Флора назвала себя.

Снег здесь шел гуще, потому что эта часть местности возвышалась над городком. Дом восседал на утесе и смотрел на север через море – явно бесконечное, тянувшееся до самого полюса и еще дальше, – а в стороне от него бешено крутились ветряки, как сумасшедшие карусели. На всех волнах вскипала белая пена. Рыбаков сегодня ждала долгая и тяжелая работа, даже для тех, кто родился для моря.

Флору окатило теплом, когда с задней стороны дома открылась дверь, – на Муре никто никогда не пользовался парадным входом, кое у кого он вообще был заколочен, – и это тепло так же ошеломляло, как холод снаружи.

Колтон поддерживал в доме тропическую температуру – всегда, даже до того, как заболел, – чтобы можно было ходить босиком по обогреваемым полам из плитняка, доставленного из Италии.

Флоре не сразу удалось избавиться от четырех слоев верх-

ней одежды. Она посмотрела вокруг. Через холл шел Финтан. Он и всегда был худым, но теперь казался старше и утомленнее.

– Красиво здесь, – сказала Флора.

И это было чистой правдой. Весь дом уже украсили к Рождеству, хотя едва начался декабрь. Огромные гирлянды плюща опутывали балясины потолка и перила лестницы, все каминные украшения падали, огонь гудел в каминных в библиотеке и нижней гостиной, хотя в этих комнатах никого не было.

Флора сочла это чрезвычайно грустным. Это был такой прекрасный дом, тщательно отреставрированный, точно так же, как и «Скала», отель, который купил Колтон, – он стоял к востоку от этого дома и предназначался для того, чтобы предоставить все возможные удобства гостям Колтона и туристам. Вот только теперь сам Колтон был болен... Флора заглянула в кухню: на подвесных полках, тщательно протертых, стояли в футуристических сосудах всевозможные виды трав и специй. Этому месту следовало бы гудеть от шума детских голосов, от семейных вечеринок и радости, потому что случилось нечто изумительное: Колтон и Финтан нашли друг в друге любовь всей своей жизни и недавно поженились...

Но вместо этого все здесь походило на мавзолей, и Флора поняла, что Финтан все понял по ее глазам.

– Все в порядке, – тут же произнес он. – Более или менее.

– Я принесла перекусить, – сказала Флора.

Ей не хотелось обнимать брата, потому что это могло по-

казаться слегка снисходительным. К тому же после смерти их матери они уже не были такой семьей, где объятия в ходу. Так что вместо того Флора просто показала контейнер.

— Ох, ну да, шеф-повар явился... — рассеянно проговорил Финтан. — Так что...

— Как хочешь, — ответила Флора. — Я сама все съем. Умираю от голода...

Флора умолкла на полуслове. Она в последнее время постоянно умирала от голода.

— Ладно, не важно, — сменила она тему. — Он не спит сейчас?

Финтан кивнул:

— Да, сегодня он неплохо себя чувствует. Хочешь зайти поздороваться?

Когда они поднимались вверх по лестнице, Флору охватило странное чувство, она знала, что в доме есть люди, но не слышала ни звука. Их с Финтаном шаги тоже заглушал толстый мягкий ковер. В доме пахло дорогими ароматическими свечами, инжиром, и апельсинами, и выдержанным вином, но сквозь все это пробивался легкий, но отчетливый запах дезинфекции.

Хотя Флора видела Колтона так часто, как могла, все равно каждый раз это становилось для нее потрясением. Она ведь помнила сильного, высокого, жилистого американца, с которым впервые встретилась два года назад в зале заседаний в центре Лондона. Это был подвижный, необычай-

но уверенный в себе человек. Невыносимо самоуверенный. Флора грустно улыбнулась, подумав об этом, и шагнула следом за Финтаном, открывшим тяжелую деревянную дверь в хозяйские комнаты.

Тяжелые гардины на огромном эркере были раздвинуты, открывая вид на бурное море. Этот вид изумлял в любое время, но сейчас он казался более драматичным, потому что внизу плясали волны и танцевали снежинки. Флора собралась с духом, поворачиваясь к усохшей фигуре на широкой кровати ручной работы, с четырьмя столбиками для полога.

Вот только эта кровать исчезла, сменившись на больничную койку, – конечно, это было неизбежно. И Флора помнила дни, когда несколько лет назад умирала ее мать... тогда тоже в дом привезли такую койку... Но она не хотела об этом думать. И вместо того натянула на лицо улыбку:

– Привет!

Было слишком больно видеть его таким. Колтон, конечно, всегда был худым, но гибким, подвижным, он был здоровым именно в таком смысле, как положено калифорнийским миллиардерам.

А теперь он походил на мертвеца. И выглядел намного, намного старше своих сорока семи лет, щеки у него провалились, губы высохли, глаза стали белыми, рассеянными. А ведь он всегда был полон жизни, полон энергии и идей – иногда хороших, иногда невероятно глупых. Такой вот сильный человек. А теперь болезнь высосала из него жизнь и продол-

жала высасывать, день за днем.

Флора села на край кровати и обняла Колтона так осторожно, как только могла. Он чуть заметно улыбнулся, и она с облегчением поняла, что он ее узнал. Такое не всегда случалось. У него были хорошие дни и плохие, но Флора не замечала особой разницы между ними. Она просто готовила для потрясенного Финтана, когда тот минут на пять заглядывал в фермерский дом, когда ему просто хотелось посидеть и выпить большую кружку чая и съесть кусок пастушеского пирога, какой не готовил специально привезенный шеф-повар, знавший все вегетарианские и антираковые диеты. И еще потрепать Брамбла и спрятать слезы в густой шерсти пса, а если там была дочь Иннеса Агот, то и послушать ее болтовню о развитии событий в мультсериале «Щенячий патруль» и о ком-то по имени Шеллингтон, кто был доктором, а заодно и морской выдрой, и к кому она явно испытывала симпатию, и даже спеть в девять часов «The Stick Song».

Флора чувствовала, конечно, что Колтон не готов сейчас говорить... да и что тут было сказать? Колтон четко дал понять, что его воля должна быть исполнена... это отразилось в юридическом документе, подготовленном для него Джоэлом еще летом, когда Колтон впервые услышал страшный диагноз.

Никакого экспериментального лечения. Никаких средств продления жизни, никакой химиотерапии. И Колтон разработал свой план, подготовил все для ухода и теперь просто

позволял течению не спеша уносить его – волны все реже накатывали на берег, море отодвигалось все дальше и дальше...

Конечно, Финтан не мог с этим согласиться. Он ведь даже ни в чем не признавался своей семье, пока не встретился с Колтоном и не влюбился полностью и окончательно впервые в жизни. А теперь у него отбирали все, и он просто не в силах был это вынести. Флоре хотелось сказать ему, что он познакомится и с другими людьми, что он снова найдет любовь... Но она же видела их вместе, видела, как они безумно привязаны друг к другу. И не знала, будут ли ее слова правдой. Она ведь чувствовала, что ее собственное отношение к Джоэлу едва ли может повториться с другим человеком, и именно поэтому была так испугана.

Но... Они просто старались поддерживать их: Колтона здесь и Финтана, когда он заглядывал в знакомую фермерскую кухню, где на полке над дровяной плитой, над ревушим в ней огнем тикали старые часы, стоявшие рядом с оловянной чашей – свадебным даром, прежде принадлежавшим матери Эка, а теперь хранившим в себе всякие мелочи и ключи от дома, который никогда не запирался. А на буфете копилась стопка счетов, пока Иннес наконец, вздыхая, не начинал в них разбираться. И старая пыхтящая дровяная плита... Все это были маленькие знаки дома, где тебе не нужно притворяться веселым. Тебе не нужно делать вид, что все будет хорошо, что скоро придет прекрасный день. Ты можешь

просто прийти домой и быть раздражительным или молчаливым, если тебе хочется, – Эк в любом случае был не из самых разговорчивых.

– Мог бы ты заглянуть домой, повидать папу? – спросила Флора, зная, что Финтану иногда нужен предлог, чтобы выйти из огромного дома.

Финтан тут же кивнул:

– Я скоро вернусь...

Он нежно поцеловал Колтона в щеку и сбежал с виноватым видом.

Флора погладила Колтона по плечу.

– Как сегодня действует твой потрясающий морфин? – спросила она.

– Отлично, – прохрипел Колтон. – И еще я намерен попросить доктора прописать мне увеличенную дозу виски.

– Блестящая идея! – произнесла Флора до глупости бодрым тоном, сама себя не узнавая. Она моргнула. – А когда, кстати, придет врач?

Колтон бессмысленно уставился в пространство.

– Я не... я, вообще-то, и не знаю, какой сегодня день...

– Пить хочешь? – спросила Флора.

Колтон кивнул, и она приподняла его голову и помогла ему проглотить несколько капель. Даже это стоило ему огромных усилий. Его кожа под невероятно дорогой пижамой казалась бумагой. И ему ничем нельзя было помочь.

– Все путаются во времени зимой, – сказала Флора. – Че-

тыре часа дневных сумерек, когда ты совершенно не понимаешь, где находишься, какое сейчас время.

Колтон чуть заметно повел глазами.

– А Финтан читает тебе финансовые страницы? – продолжила Флора.

На столике у кровати лежали нетронутые экземпляры «Файнэншл таймс», «Экономист» и «Тайм».

Губы Колтона шевельнулись:

– Я не... Он читает, но я не... Мне теперь сложно следить...

Он повел полупрозрачной рукой. Флора нахмурилась.

– У меня с собой один журнал, – сказала Флора, доставая из сумки еженедельник, который она стащила у Джинни, помощницы доктора.

Та покупала эти журналы для приемной доктора, потом читала их в «Кухне» и забывала, а девушки выжидали момент, когда никто не смотрит, и пристраивали их.

– Могу прочесть мой любимый раздел, – предложила Флора. – Он называется «Знаменитости надули папарацци, позируя на пляже».

К ее изумлению, брови Колтона приподнялись, взгляд слегка сфокусировался.

– Итак, – произнесла Флора, сосредотачиваясь. – Перед вами Джина. Она побывала в джунглях, и там ее вырвало четыреста раз на всех подряд, и теперь она прославилась...

Вот так и застал их Сайф полчаса спустя – спокойными,

умиротворенными, ожидавшими, пока он освоится с разницей температур снаружи и внутри и снимет столько верхней одежды, сколько сможет.

Это была вторая зима Сайфа на Муре, но он как-то умудрился забыть первую. Наверное, приходится забывать, думал он, или тебе ни за что не справиться со следующей. Это как с родами.

– Привет, – сказал он.

Флора улыбнулась, посмотрев на его красивое серьезное лицо. У Сайфа были длинные темные волосы, которые всегда выглядели так, словно нуждались в стрижке, и маленькая бородка, а в его больших темных глазах часто мелькала легкая паника, как у большинства работающих родителей.

– Мне казалось, что это место Финтана.

– Все в порядке, – ответила Флора. И бросила взгляд на Колтона, который как будто задремал. – Финтану просто нужно... чуть-чуть передохнуть...

– Да, понимаю, – кивнул Сайф.

– А как?..

Сайф посмотрел на нее серьезно, как всегда:

– Мне жаль, но я могу говорить об этом только...

– Ох, да, конечно, знаю. Извините. – Она встала.

Сайф смягчился.

– Я бы сказал... как и ожидалось, – ответил он.

Флора подумала, что совсем не важно, как часто они слышали страшные новости. Все равно невозможно поверить,

что Колтона однажды здесь не станет. Она предпочитала не верить этому, что значило: ей нужно было повторять это снова и снова.

Сайф подошел к кровати – и тут же из ниоткуда материализовалась сиделка, чтобы помочь ему, – одна из батальона, нанятого Колтоном, очень тихая и тактичная. Сайф довольно долго будил Колтона, чтобы осмотреть его по всем правилам, потом кивнул. Флора понимала, что ей дают знак уйти, но она не могла, просто не могла.

– Ладно, но все так, как и ожидалось? – произнес Сайф, проверяя слабый пульс Колтона. – Все стабильно, препараты помогают, смягчают боль. Так ведь?

– Побольше виски, – хмыкнул Колтон.

– Я этого не слышал.

Колтон не заметил, как Сайф слегка кивнул сиделке, закрывая свой саквояж:

– Зайду к вам завтра.

Флора догнала его в холле.

– Э-э-э... есть у вас минутка?

Сайф чуть заметно поморщился. Работа в маленьком городке несла с собой одну серьезную проблему: каждый встречный, как правило, имел к нему какие-то вопросы, а если ты отвечал одному, то приходилось отвечать и всем остальным. На это можно было потратить всю оставшуюся жизнь.

– Флора, позвоните Джинни, запишитесь на прием.

– Джинни начнет визжать и вытворять черт знает что, и у меня не останется надежды на конфиденциальность, и даже если я просто зайду в вашу глупую хирургию, там будут сидеть сто знакомых, которые потом отправятся прямым ходом в кафе, – вы же знаете, они всегда так делают, – и начнут интересоваться, не заразная ли я, и безопасно ли есть у меня в кафе, и тут же болтовня начнется по всему острову, и мой бизнес просто рухнет. Вы этого хотите, Сайф? Да?

Сайф понимал, что его дурачат, но он был очень добрым человеком. Он сложил руки на груди:

– Я вас не осматриваю.

– Вам и не нужно.

Флора нервно сглотнула. Теперь ей нужно было произнести это вслух, сказать то, чего она никогда прежде не говорила. Она осознавала, насколько испугана и взвинчена. Это было нечто даже нелепое, даже смешное: глупая, глупая фраза, и Флора не была уверена, что сумеет с этим справиться. Она глубоко вздохнула. В последнее время она постоянно была готова расплакаться, то по одной причине, то по другой.

– Я беременна.

Глава 5

Первым порывом Сайфа было желание улыбнуться и пожелать ей счастья. Потом он вспомнил, что исходы могут быть разными, так что снова натянул на лицо маску профессионального стоицизма. С другой стороны, он мог лишь предполагать, что, если Флора не хотела бы сохранить беременность, она бы, наверное, не стала загонять его в угол под лестницей.

– Так это... хорошая новость для вас?

Глаза Флоры расширились.

– Я не знаю. То есть да, наверное... Я так думаю. Но как-то это... слишком рано. Я имею в виду, мы ведь бываем вместе какие-нибудь пять минут... Хорошо ли это для ребенка? И Джоэл еще не до конца оправился, и...

Сайф вскинул руку:

– Простите... я спрашиваю: вы хотите сохранить ребенка?

– Ох... Да! Я... Да, конечно. Но в идеале я предпочла бы хранить его внутри... Ну, года два... чтобы у нас хотя бы появился шанс сильнее сблизиться... Ну, как бы то ни было. Простите, это не ваша проблема. Я просто хотела спросить: вы можете отметить это в моей карте? И потом направить меня на всякие обследования... но так, чтобы я к вам не приходила прямо сейчас?

Сайф прищурился:

– А вы уже сказали Джоэлу?

– Именно сейчас я думаю о том, как сказать об этом Джоэлу, – ответила Флора.

Сайф моргнул. Да, конечно, он многим был обязан Флоре, в особенности учитывая те многочисленные случаи, когда ему в выходной день приходилось отправляться на срочный вызов, а миссис Лаэрд, которая присматривала за детьми и его домом, тоже, естественно, отдыхала. Поэтому он был вынужден отправлять Эша и Ибрагима в кафе, покупать им апельсиновый сок и лепешку и просить Флору присмотреть за ними, пока он не вернется...

– Хорошо, – кивнул он. – Сколько уже недель, вы знаете?

– Судя по тесту, три с небольшим, – ответила Флора. – А эти бумажки точно показывают?

– Настолько же точно, насколько мы можем определить в лаборатории. Вы покупали тест в городе?

– Ха-ха-ха! – откликнулась Флора. – Да я вообще не думаю, что здесь можно купить такой тест. Вы вообще представляете такое? На Муре никто не покупает тесты на беременность. Нет, я заказала его на материке, в простой упаковке.

– Из вас получился бы хороший шпион, – усмехнулся Сайф, направляясь к выходу.

– Из меня много чего могло бы получиться, – сказала Флора. – Но мне нравится быть владелицей кафе.

– Что ж, я надеюсь, что и новое занятие вам тоже понра-

вится.

Сайф наконец позволил себе улыбнуться, покидая огромный дом.

Флоре не хотелось думать о предстоящих трудностях, но она глубоко вздохнула, провожая врача взглядом. Фу... ладно. Первый порог преодолела. Флору слегка трясло. Ей пришлось сказать это вслух, все определилось, она уже не блуждала в тумане, как все последние дни, совершенно не в состоянии поверить в тот факт, который статистически рано или поздно должен был случиться. Ему же совершенно невозможно сопротивляться, этому Джоэлу Биндеру...

Она снова вздохнула.

Нет, она не станет думать об этом прямо сейчас. Но она сделает то, что ей отчаянно хотелось сделать. Расскажет тому, кого это порадует. Она уже слышала рев мотора «ленд-ровера» на подъездной дороге, то есть Финтан вот-вот должен был войти в дом.

Флора вернулась в спальню и прилегла рядом с Колтоном, чьи глаза снова были полузакрыты.

– Я хочу сообщить тебе один секрет, – тихо заговорила Флора. – Только ты никому не говори, даже Финтану.

– Уже забыл... – пробормотал Колтон.

Флора взяла его за руку.

– Ты снова станешь дядюшкой, – прошептала она ему на ухо, крепко сжимая худые пальцы.

Прошло невероятно много времени, но наконец Флора

ощутила ответное слабое пожатие. Она посмотрела в лицо Колтону. По его щеке сползала слеза, но он не мог поднять руку, чтобы смахнуть ее. Флора осторожно промокнула ее салфеткой.

– Агот, – прохрипел наконец Колтон, – ей это очень не понравится.

– Я знаю, – согласилась Флора. – Знаю.

Глава 6

Конечно, Лорна суежилась и волновалась. Рождество в любой школе – безумное время, и начальная школа Мура не была исключением, пусть даже в ней училось всего тридцать восемь ребятишек. В их школе было два класса: начальный, который вела Лорна, будучи одновременно директрисой, и старший, где преподавала праведная миссис Кук, старавшаяся при этом помогать в управлении. Да, Лорне приходилось справляться со множеством обязанностей, учитывая, что островные школы вынуждены постоянно доказывать, что они способны на многое. Но ей казалось ужасно несправедливым то, что в других местах существуют большие начальные школы, с шестью начальными классами, в каждом из которых дети учатся по одному году, и где имеется огромный штат секретарей и администраторов.

А в остальном Лорна очень любила свою школу. Школьное здание стояло на холме над городом – дети съезжали с этого холма на санках, когда выпадало достаточно снега, – и оно было в традиционном школьном шотландском стиле: красный песчаник, отдельные входы для мальчиков и для девочек, украшенные резьбой по камню, – конечно, больше ими не пользовались, – и большой двор, в котором были нарисованы «классики». Внутри огромные старые масляные радиаторы поддерживали тепло в самые холодные дни, даже

если окна дребезжали от ветра. Когда сто сорок лет назад эта школа только открылась, местные отнеслись к ней скептически: она казалась иностранным вмешательством в их образ жизни. Но радиаторы изменили их мнение. Закаленные островные дети, привыкшие к неотапливаемым комнатам, продуваемым насквозь коттеджам и уборным на улице, потянулись к уютным школьным классам, они отогревали у радиаторов замерзшие руки и не слишком спешили возвращаться на поля. Старая гвардия предупреждала, что они могут избаловаться. Наверное, так оно и было, потому что следующие поколения начали уезжать с острова. И только теперь люди стали возвращаться, соблазненные обещанием покоя, красоты и тишины и более или менее хорошего вайфая – в зависимости от силы и направления ветра.

Но Лорну это не избавляло от тревог. Год назад закрылась школа на острове Канна, что неподалеку от Эйга, – последние четыре малыша уехали оттуда. Чему тут было радоваться?

А теперь ей нужно еще разобраться с рождественской пьесой. Распределение ролей всегда представляло собой сущий кошмар. Тем более что множество фермерских семей полагали, что уж их-то любимцы обязательно должны принять участие в постановке.

Лорна хмурилась, глядя в школьный журнал. Выглядело вполне разумным, если бы она предложила Ибрагиму, сыну Сайфа, сыграть Иосифа. В конце концов, он и его брат Эш

были единственными в школе детьми со Среднего Востока. А с другой стороны, не будет ли бесчувственно предлагать ему играть главную роль в христианской истории, когда сам он не христианин? Но почему это должно иметь значение? И в то же время не будет ли это выглядеть символично – если единственный не белый ребенок сыграет главную роль? Но если она не предложит ему роль, не покажется ли она нелепой расисткой? И при этом Сайф может ведь и не захотеть. Если бы это касалось кого-то из других родителей, Лорна просто позвонила бы им... Но вот ведь какая история – это касалось лишь ее и Сайфа...

Следовательно, ничего бы не случилось, если бы учитель встретился с родителем, это же вполне прилично... но это было не так. Сайф почти не разговаривал с ней, что тоже приходилось учитывать во всей этой запутанной истории. Поэтому Лорна старалась вообще об этом не думать, а просто принялась за работу.

В списке ролей она написала: «Иосиф – Ибрагим Хассан». Потом зачеркнула это. И с тоской вспомнила занятия для учителей в Глазго, где были дети самого разного происхождения, и никого это не волновало. А здесь люди все замечают. Она снова написала имя Ибрагима – ему это пойдет на пользу, он же очень замкнутый, немножко угрюмый ребенок. И кто бы стал его винить за это, учитывая, что в одиннадцать лет ему пришлось пережить такое, что большинство людей и вообразить не сможет. Да, ему полезно будет выйти на сцену,

услышать аплодисменты, почувствовать себя значимым.

С другой стороны, не обвинят ли ее в потакании маленькому беженцу, не осудят ли за то, что она отдала ему главную роль, притом что его английский все еще не слишком хорош? С другой стороны, что может быть лучше для изучения языка, чем необходимость говорить громко и отчетливо?

Лорна с шумом захлопнула журнал. Это может подождать до завтра. Она поговорит сначала с миссис Кук – к ее советам стоит прислушаться. Лорна посмотрела на свой телефон. Пришло сообщение: «Харборс рест?» – что означало сигнал от Флоры: «Кое-что случилось!» Время близилось к шести вечера. Отлично. Скорее всего, снова какая-нибудь ерунда о Джоэле, но, пожалуй, самой Лорне будет полезно отвлечься ненадолго, насладиться джином с тоником – вино в «Харборс рест» было чудовищно плохим, – и, может быть, Флора даже подсказала бы какое-то решение.

Лорна села в свою машину и не спеша поехала вниз по холму, дворники отчаянно старались справиться с окружающей бурей.

Глава 7

В «Харборс рест» сидели обычные посетители, мужчины, которые заходили туда после тяжелого дня на полях или в море, чтобы выпить виски и поболтать, или даже не для разговоров, а только для того, чтобы посидеть у огня и почитать газету, или погладить своих собак, или просто отдохнуть от шторма.

Лорна направилась к их обычному месту у бара, чтобы Инге-Бритт могла поучаствовать в разговоре и предложить какие-то полезные идеи. Но Флора показала на угловую кабинку, самую дальнюю во всем зале, хотя та и находилась прямо рядом с входной дверью, и каждый раз, когда та открывалась, в нее врывался ветер. Лорна нахмурилась. Потом Флора пошла к бару и вернулась с джином и тоником для Лорны и диетической колой для себя.

Это выглядело странно. Лорна обычно считала себя довольно уравновешенной особой. Да, конечно, в ее жизни случалось всякое: ее родители умерли, а брат работал на верфях, так что она частенько чувствовала себя одинокой, не имея рядом родных. И к тому же она была – ну да и сейчас оставалась – слишком сильно влюблена в человека, который не мог ответить на ее чувства.

Но Лорна любила свою работу, любила свою маленькую уютную квартиру на главной улице, где ты близок ко все-

му и можешь наблюдать за событиями, она любила Майлу, знала всех до единого на острове и могла бы честно сказать, что у нее нет ни единого врага во всем мире. Она скопила немножко денег, у нее были здоровье и друзья. Лорна в целом была радостной душой, не склонной жаловаться на жизнь.

Поэтому она и сама удивилась тому, как это ее ошеломило. Оказалось, что она способна на мгновенную огромную зависть... Ну да, это была неприкрытая зависть.

– Не может быть... – в ужасе пробормотала она.

Флора, похоже, разозлилась.

– Послушай, – сказала она, – ты думаешь, что я такая пьяница, что не могу разок...

Но она не в силах была слишком долго сдерживаться:

– Черт побери... Ну да. Так и есть.

Наступила долгая пауза, прежде чем Лорна вспомнила, что от нее ожидается в такой момент: ей полагалось бы вскочить и восторженно обнять подругу...

Ну да, я в восторге, сердито сказала себе Лорна. Да, в восторге. Правильно.

– Ох, боже мой, да ты плачешь? – изумилась Флора. – Только не начинай тут реветь... я ведь тоже тогда разревусь.

– Не плачь!

– Эй, почему вы там плачете? – крикнула Инге-Бритт, проходя мимо них, чтобы предпринять весьма слабую попытку помыть туалеты. – Что, кто-то из вас залетел?

– Прекрасно, – сказала Лорна. – Можем мы теперь вернуться к бару? Здесь смертельно холодно.

Лорна смотрела на подругу, когда они перебирались на другое место. Флора выглядела бледной, но она всегда была такой, ее кожа была настолько белой, что практически просвечивала. И ее мать была такой же, именно поэтому их считали селки – духами морских тюленей, которые вышли на землю и превратились в смертные существа. Флора смеялась над этим, но Лорне всегда казалось, что в этом что-то есть. А племянница Флоры, Агот, уродилась еще более светлой, ее волосы были практически белыми. И она выглядела как маленькая колдунья, да и в самом деле была ею.

Но, пожалуй, сейчас Флора была немножко бледнее обычного, и под глазами у нее залегли светлые голубые тени. И...

– Черт, да у тебя грудь появилась? – удивилась Лорна. – Точно! У тебя же никогда ее не было! Джоэл будет в восторге. Даже больше, чем просто в восторге, точно!

Флора скривилась.

– А... – пробормотала она. – А... ну да...

Последовала новая долгая пауза.

Лорна всматривалась в лицо Флоры. Такое случается между очень давними друзьями: им не всегда нужно говорить, чтобы понять подразумеваемое.

Лорна глотнула еще немножко джина и устыдилась своей зависти. У Флоры тоже ведь была не слишком легкая жизнь. Лорне нравился Джоэл – или она так думала, но его было

довольно трудно понять. И вряд ли он был готов помочь ее подруге пройти через все это... Да, Лорна знала, что Джоэл сложный человек, что у него было тяжелое детство, но все равно это не оправдывает его в том, что он не ставит Флору на первое место.

Лорна соображала, как ей лучше спросить, знает ли уже Джоэл, – это ведь могло прозвучать саркастично, или неприятно победоносно, или жалостно, или еще как-то, чего Лорне совсем не хотелось. Наконец она сдалась и перешла на старый язык, который они слышали, сидя на коленях своих дедушек и бабушек.

– *Doch dhu naw telt?* – спросила она как можно мягче.

Флора вздохнула, и вдруг Лорне показалось, что подруга вот-вот разрыдается.

– Не беспокойся обо мне, – сказала она. – Мне теперь этого хочется постоянно.

– Хочется чего?

– Плакать. Заливаться слезами. Буквально все время. Я на днях расплакалась, увидев Брамбла.

– А что он делал?

– Грыз счет за газ. Seriously, это ерунда!

Лорна кивнула и положила пальцы на руку Флоры:

– Ох, милая... Но все будет в порядке! Он будет в восторге! Точно! Вы ведь пара, ну и все такое...

Флора моргнула и смахнула слезы с уголков глаз:

– Пара на пять минут! Я едва его знаю. Разве что поняла,

что он явился из такого мира, где слово «семья» чуть ли не ругательство.

Лорна вскинула голову:

– Ну, может быть, он как раз всегда и искал семью. А ты и есть семья.

– Ну да, я и еще одна персона. Лорна, а где мы будем жить?

Лорна вдруг уставилась вверх, словно над ней перегорела лампочка.

– Что?

– Ну, я просто подумала... Я с прошлого года ломаю голову, что делать с моим фермерским домом. Он все сильнее ветшает, а у меня нет десяти братьев, чтобы следить за ним, как это делаешь ты. Его необходимо продать, Флора.

– Если бы мне нужен был ветшающий фермерский дом, я могла бы просто остаться у себя дома, спасибо, – ответила Флора.

– Нет-нет, я не это имела в виду, – покачала головой Лорна. – Я хотела сказать, что, если бы вы, ребята, платили мне небольшую ренту, вы могли бы перебраться в мою квартиру. Тогда у меня хватило бы денег для того, чтобы привести старый дом в порядок, а потом продать его.

Флора растерянно моргнула. Квартира Лорны была ее раем. Любые события Флора обычно отмечала в фермерском доме, потому что все равно все приходили именно туда. А в остальном они с Лорной встречались в пабе или в «Кухне Анни». У Лорны уже три года не было парня – с тех пор,

как она совершенно случайно узнала, что у ее Грегора, симпатичного рыбака с острова Эйг, добродушного и веселого, есть еще одна девушка, на Раме. А может, и на Эйге тоже.

Но все это не имело значения: квартира Лорны была по-настоящему чудесной. Она находилась неподалеку от набережной, что означало прекрасный вид из окон и при этом защиту от самых жутких погодных явлений, так как ее дом был развернут боком к мощеным улицам, что шли к причалам. Это здание было выстроено из песчаника и украшено скромной резьбой по фасаду. На первом этаже приютился крошечный музей острова Мур, где хранились древние артефакты, прекрасные и затейливые кельтские украшения и мелочи со всего света, принесенные на берег волнами за долгие века, здесь же находилась маленькая библиотека, которую отапливали так энергично, что Лорне редко приходилось включать собственное отопление.

Для начала в квартире были две большие комнаты с высокими потолками, некогда служившие гостиными. В первой имелся большой камин, и перед ним стояла мягкая кушетка, накрытая старым персидским ковром, – на ней постоянно валялся Майлу, а всю заднюю стену занимал гигантский диван. Стену Лорна раскрасила в темные зеленые и красные тона, и комната казалась уютной шкатулкой для драгоценностей.

Вторая комната была превращена в потрясающую новехонькую кухню, стоившую пугающих денег, потому что все пришлось доставлять с материка, ее окна выходили на юг,

и потому сюда проникало столько солнца, сколько его вообще случалось на острове. Раздвижная дверь в задней части выводила на то, что технически было площадкой пожарной лестницы, но Лорна заполнила ее красивыми растениями и большими непромокаемыми подушками, разбросанными тут и там в хорошую погоду, так что, по сути, площадка превратилась в небольшой оазис, и они с Флорой провели там много приятных вечеров с бутылочкой вина, глядя на крыши домов и радуясь окружающему их миру.

Еще в квартире имелись две спальни, одна очень большая, и две ваннe комнаты. В целом это был безупречный маленький «Тардис», корабль для путешествий во времени.

Флора уставилась на подругу:

– Ты это серьезно?

– Да там ведь только второй этаж, – пожала плечами Лорна.

– Да, и в доме больше никто не живет, – припомнила Флора. – Я смогу оставлять коляску на площадке перед дверью... О боже... боже! Мне ведь нужно будет купить коляску! Ох, боже...

– Перестань паниковать! – прикрикнула на нее Лорна. – Или тогда паникуй из-за всего по очереди.

Флора кивнула:

– Боже мой... Придется поехать в Абердин. Там есть коляски. Даже «Джон Льюис» есть. Я читала в Интернете, что нельзя заводить ребенка, не имея коляски «Льюис».

– Послушай, Флора, – заговорила Лорна, уже почти сходясь. – Речь ведь не о «Льюисе».

Флора немножко подумала, но промолчала.

– А с другой стороны, пока что в этом есть кое-что хорошее.

– Что именно? – спросила Флора.

– Ты ведь точно знаешь, что Джоэл не следит за твоими блужданиями в Интернете.

Флора очень сурово посмотрела на подругу.

Лорна не обратила на это внимания, основательно глотнула джина с тоником, а затем, понизив голос, взяла Флору за руку:

– А ты хочешь этого ребенка?

– Да! – с жаром воскликнула Флора. А потом опустила взгляд. – Но мне хочется, чтобы и Джоэл его хотел. А я не знаю, что он скажет.

Глава 8

Как ни странно, телефон Флоры зазвонил на следующий день как раз в ту минуту, когда она уставилась на него, собираясь с духом. Она моргнула, но это был не Джоэл.

Номер был заграничный, и Флора решила, что это, как обычно, какие-нибудь американские туристы, которые собираются на остров и желают знать, есть ли в ее кафе продукты без глютена. Она обычно вежливо и терпеливо объясняла, что таких у нее нет, но все местное, и что удивительно: большому количеству людей это казалось примерно одним и тем же, и они все равно приезжали.

– Алло, «Летняя кухня», – бодрым тоном произнесла она в трубку.

На другом конце линии что-то затрещало, как будто кто-то уронил телефон.

– Алло! – раздался наконец голос.

И тут же послышался другой, рядом:

– Ну что ты вытворяешь? Незачем так кричать! Это же всего лишь Шотландия! А она не глухая.

Флора сразу расслабилась, узнав голоса.

– Марк? – сказала она. – Марша? Это вы?

– Вот видишь? – снова заговорила Марша. – Она прекрасно тебя слышит.

Голоса этой пары пробудили во Флоре воспоминания о

летних днях, когда Марк чрезвычайно эффективно помог Джоэлу оправиться после нервного срыва и показал ему, как можно найти себя на свежем воздухе островов. Он гулял с ним, помогал, заботился, и в итоге Джоэл смог прийти в себя и вернуться к Флоре, чтобы набраться сил и продолжать жить дальше. Флора была бесконечно обязана Марку.

– Алло! Алло! Ты меня слышишь?

Флора вернулась в настоящее:

– Я на Муре, Марк, не на Луне.

– Отлично. Тогда послушай. И откажись, если захочешь.

Флора насторожилась. Обычно, когда люди говорят «откажись, если захочешь», они имеют в виду: «Если ты скажешь „нет“, нашей дружбе конец».

– Э-э-э?..

– Ну, я тут подумал... Когда я был на вашем острове, он показался мне таким прекрасным, что... ну, Марше очень хочется его увидеть, и мы тут подумываем, может, мы бы приехали на Рождество?

Флора чуть не поперхнулась:

– Марк... я должна сказать... ты ведь был здесь в июле. Тогда, когда было солнечно, и тепло, и светло почти всю ночь.

– Ну-у...

Флора посмотрела в окно, на снежинки, танцевавшие вокруг фонарей у причалов. Хотя было уже почти девять утра, снаружи было темно, как в угольной яме.

– Ну вот, а сейчас тут, вообще-то, совсем по-другому...

– И как именно?

– Ну... практически весь день полная темнота. И ветер.

Очень, очень, очень сильный ветер!

Последовало молчание.

– Я хочу сказать, – продолжила Флора, – что мы, безусловно, будем рады, если вы приедете.

– Я подумала, что следует тебя спросить, – заговорила Марша. – Потому что мы не видели Джоэла с тех пор, как он приезжал сюда, да и то он заглянул минут на пять. И он сказал позвонить тебе...

– Я не уверена, где вы сможете остановиться...

– Колтон пригласил нас в «Скалу», – сказал Марк. – Конечно, это было довольно давно. Летом. Но он говорил, что мы всегда можем...

– Ах да, «Скала» – это было бы отлично... – оживилась Флора. Там было чудесно. И если Колтон хотел открыть отель, все получилось бы как нельзя лучше. – И вы могли бы провести Рождество с нами?

– Ты не против?

Флора чуть-чуть подумала. Она лишь раз встречалась с Маршей, но нашла ее мудрой, откровенной и сочувствующей. А еще осмотрительной. И она знала Джоэла, как никто в мире. Наверняка ей можно довериться. У Марка и Марши не было детей. И в каком-то смысле это было почти на пользу. Марша ведь не из тех, кто готов осуждать.

– Я была бы рада, – ответила Флора, и ее радость выплеснулась в телефон. – Я была бы рада увидеть вас обоих. Но вам придется обойтись без жалоб на погоду.

– Мы ни на что не собираемся жаловаться, – сказал Марк. – Просто...

Вмешалась Марша:

– Просто приятно видеть, что вы с ним наконец наладили отношения. Нас это радует сверх всякой меры.

«Ох», – подумала Флора.

Но не стала углубляться в тему.

Глава 9

Флора обнаружила, что в беременности есть по крайней мере одно хорошее: она избавила ее от бессонницы. Как только голова Флоры коснулась подушки, она мгновенно заснула. И она решила, что это сочетание двух факторов: беременности и отказа от джина Инге-Бритт в грязных стаканах.

Флора вздыхала, бродя по кухне в толстых носках. И заvistливо думала о квартире Лорны. Там на кухне обогреваемый пол, и каждый раз, приходя к Лорне, Флора тут же разувалась. Это была такая роскошь...

Она налила себе чая. Джоэл должен был вернуться домой на следующий день. И им нужно будет поговорить. Еще один день. Всего один день пережить.

Придя в «Кухню», Флора увидела, что Айла и Иона хихикают и вообще не похожи на самих себя.

– Что это с вами случилось? – с подозрением спросила она.

Обе девушки были помешаны на кавалерах, так что случиться могло что угодно. И скорее всего, из-за парней.

Иона порозовела.

– Ничего. Совершенно ничего... все прекрасно, мы вчера заработали прилично.

Флора заглянула в сейф. И в самом деле, необычно для

такого времени года.

– Что, Чарли привез на прогулку каких-нибудь юристов? – осторожно спросила она.

Частенько случалось, что какая-нибудь заблудшая душа отставала от группы туристов и пробивалась сквозь бурю обратно к прибрежной улице, чтобы спрятаться в углу кафе с тарелкой горячего супа и жареным сэндвичем, пока руки не перестанут дрожать. Флора жалела их достаточно для того, чтобы обслужить, но недостаточно для того, чтобы не донести на них Чарли, когда тот звонил ей, разыскивая пропавшего.

– Нет, – покачала головой Айла. – Не они. Это...

– Тсс! – зашипела на нее Иона.

– Ладно, ладно. Да, хорошо. Молчим.

Флора, не обратив особого внимания на девушек, посмотрела на календарь.

– Бог мой... – произнесла она. – Я ведь должна уже готовить рождественскую вечеринку. Совсем скоро!

Ее мать, когда у нее было четверо детей-школьников, основала традицию: после рождественской пьесы все шли к ним в дом, и это стало одним из постоянных событий декабрьского календаря.

– А ты будешь танцевать? – спросила Айла.

Флора покачала головой. Она прекрасно понимала, что с шотландскими танцами для нее покончено.

– Нет-нет, – ответила она. – А вот ты можешь.

– Да мне и деваться некуда, – грустно сообщила Айла. – Миссис Кеннеди уже загнала меня в угол.

– Неужели?

Флора мысленно отметила, что ее строгая учительница танцев ей самой даже не предложила участвовать в празднике в этом году. Неужели она что-то заметила? Нет, такое просто невозможно. Конечно же нет.

– Не важно, это не имеет значения. А вот что для нас имеет значение, так это то, что нам придется приготовить три сотни мясных пирогов.

Девушки застонали.

– Все любят мясные пироги!

– Да, но они...

Флора прекрасно понимала помощниц. Мясная начинка становилась липкой и вязкой к тому времени, когда ее после нескольких дней выдержки доставали из маринада, мелкие кусочки нутряного сала прилипали к рукам и мешали склеиваться слоеному тесту. А еще нужно было сделать множество маленьких упаковок... нет, это не было слишком трудно, но было очень и очень скучно.

– Вперед! – сказала Флора, стараясь взбодрить девушек.

Она осмотрела большие ломти пирога, разогретые для голодных гостей, и осталась довольна.

– Сделаем по сотне каждая. Впрочем, нет. Это как-то не очень... Ладно. Устроим конвейер. – Флора мимоходом взглянула на счета за вчерашний день. – Вообще-то, сочтем

это за полтора рабочих дня, если вы задержитесь на вечер и все закончите.

Это вполне устроило девушек, и они направились к входной двери, чтобы сменить табличку «Закр^ыто» на «Отк^{ры}то».

Около одиннадцати утра девушки снова начали хихикать. Флора ушла в кухню. Боже, как она могла уже так утомиться? Она ведь проспала почти девять часов.

Флора налила себе еще кофе. Хотя теперь она пила кофе без кофеина, но надеялась, что сумеет обмануть свой организм и оживится.

Флора слышала тяжелые мужские шаги, как будто в кафе топало сразу множество ног, так что она поспешила выглянуть из кухни.

В зале появилась большая группа молодых мужчин, державшихся слегка неловко. Лица многих украшали бритвенные порезы, а одеты молодые люди были в плотные серые плащи. У всех была светлая кожа, и многие были высоки ростом и хороши собой. Айла и Иона хихикали за стеклянными витринами, и даже вязальщицы с острова Фэр-Айл на секунду-другую опустили крючки и спицы.

– Привет! – бодро приветствовала мужчин Флора.

Один из них со смущенным видом шагнул вперед. Шапку он держал в руках.

– Мы бы... нам... семнадцать...

Он показал на рождественский пирог. Флора присмотрелась к нему. Парень говорил с ужасающим акцентом, и Флора внезапно заподозрила, откуда они явились.

– Да, конечно, – с улыбкой сказала она. – Вы русские? Молодой человек откровенно удивился.

Последовало тихое обсуждение между пришедшими – на языке, который совершенно очевидно был русским.

– Да, – наконец неохотно ответил старший.

Айла и Иона хихикали, складывая в большой пакет ломти рождественского пирога. Флора предвидела разочарование местных, которые придут выпить чая.

– Рыбу ловите? – спросила Иона.

Парни явно не были рыбаками, и Флора чуть не рассмеялась. На них ведь были плащи военного образца.

– Да. Да, рыба, – с запинкой ответил старший и покраснел, когда девушки снова захихикали.

– Конечно, рыба, – весело кивнула Флора.

Она прекрасно понимала, что у ребят будут серьезные неприятности, если кто-нибудь начнет допытываться, не сошли ли они на берег с какой-нибудь атомной подводной лодки, заглянувшей в здешние воды. Так что лучше было и не спрашивать.

Молодой красавец поблагодарил их, заплатил и повернулся к выходу, когда Иона, красная как рак, выскочила из-за прилавка и сунула ему рекламку рождественского праздника на Муре.

– А что? – с невинным видом спросила она в ответ на неодобрительный взгляд Флоры. – Он просто чудо! Они все просто чудо!

– Они даже по-английски не говорят, – напомнила ей Флора.

– А она и не собирается с ними разговаривать! – засмеялась Айла.

– Заткнись, Айла!

– Так, успокойтесь! – велела Флора, когда стук вязальных спиц возобновился. – А ты, Иона, постарайся не стать причиной большого международного военного конфликта.

Глава 10

Сайф запаздывал, как обычно, и изо всех сил подгонял мальчиков, когда они поднимались вверх по холму. Весь день шел настоящий снег, на земле уже лежал его толстый слой, так что им приходилось пробиваться сквозь настоящую снежную бурю. Миссис Лаэрд связала мальчикам балаклавы, под которыми почти невозможно было рассмотреть их лица, – только длинные ресницы Ибрагима, побелевшие от снега, высывались наружу. Сайф думал, что Ибрагим будет невероятно красивым.

Но Амину, свою прекрасную жену, он видел скорее в Эше, у того было такое же лицо, похожее очертаниями на сердечко, и высокие скулы, и такая же ошеломительная улыбка.

Выгнать детей из дома утром было делом нелегким, Сайф даже накричал на них, когда они медленно обувались. И на самом деле первые уроки английского они получили скорее дома, чем в школе.

Сайфу даже казалось странным, что они теперь дома говорят на английском. Неда, социальная работница и консультант, часто навещавшая их, чтобы проверить, как идут дела, настаивала, что они должны говорить на английском в школе, а дома – на арабском, чтобы не терять связи с родиной.

Но Сайфу это почему-то казалось слишком трудным. Арабский был языком, на котором они говорили, когда бы-

ли семьей – полной семьей. Это был язык, на котором пела Амина, укачивая детей в летнем дворе, наполненном контрастными запахами горючего от проезжавших машин и старого гранатового куста в углу двора, – они старались сохранить его, хотя на нем то и дело засыхали отдельные ветки.

Это был язык мультфильмов, что они смотрели все вместе, – Эш постоянно вертелся, а Ибрагим был сосредоточен. Это был язык их двоюродных сестер и братьев, их тетушек, всех тех людей, с которыми они теперь расстались и которых они могут никогда больше не увидеть.

Нет. Единственным способом справиться с этой новой жизнью было влиться в нее. Эш полюбил печеные бобы, а Ибрагим, кроме всего прочего, наслаждался сериалом «Принц из Беверли-Хиллз» – самому Сайфу он казался совершенно непонятным.

Они оставили прошлое в прошлом. Неда твердила им, что они многое теряют. Сайф же с горечью ощущал, что они должны что-то потерять, иначе как им двигаться вперед? Как они смогли бы существовать, если не держались бы в том времени и пространстве, в котором очутились теперь? Разве он мог отказать в этом сыновьям?

Вот только ночами он мог путаться в снах и видеть Амину у входа в их маленький дворик, и мальчики не узнавали ее и не могли говорить с ней на том единственном языке, который она знала, и он просыпался... и частенько Эш лежал рядом, закутавшись в одеяло, а Сайф обливался потом и гадал, как

долго все это протянется? Как долго?

А затем он смотрел на прекрасного Эша и думал о другом мальчишке, мирно спавшем в большой темной спальне за дверью, смотрел на сияние звезд, на далекую луну и видел, что дети спокойны, им ничто не грозит... и думал: «Вот для чего мы здесь. Держись. Держись».

В то утро у входа в школу царила суета. Другие родители поначалу относились к Сайфу с настороженностью – не потому, что они имели что-то против него лично, а потому, что Ибрагим, после всего пережитого им, казался чем-то вроде маленького чудовища. Он кусался. Он лягался. Он кричал что-то на чужом языке. Дети не хотели с ним играть.

Но теперь все понемногу налаживалось: Ибрагим отлично играл в футбол и, стоило дать ему в руки клюшку, стал прекрасным игроком и в шотландский хоккей на траве, а таких игроков на маленьком острове всегда не хватало.

И его более или менее приняли, хотя он и оставался замкнутым и настороженным. Эш, с его худеньким телом и обаятельной внешностью, не говоря уж о его прекрасных больших глазах, стал любимцем девочек, его ласкали и баловали везде, где бы он ни появился. Сайф не был уверен, что ему это нравится: мальчики и девочки в привычных для него школах не общались так тесно, но здесь ведь все было по-другому. По крайней мере, Эш не сидел в одиночестве во время обеденного перерыва.

Другие родители умолкли, когда подошел Сайф, но он не слишком-то замечал такое. На доске объявлений висел некий список, и Сайф не сразу понял, что это распределение ролей в чем-то, что называлось «Рождественской пьесой». Напротив имени «Иосиф» стояло имя Ибрагима Хассана, а напротив чего-то, что называлось «трактирщик» – Сайфу еще нужно было выяснить, что это такое, – значился Эш Хассан.

Все смотрели на Сайфа, ожидая его реакции. Но он не имел ни малейшего представления, как именно должен реагировать. Ему бы спросить об этом Джинни, его помощницу, но он знал, что та ужасная сплетница и просто не способна удержать что-либо в секрете, кроме медицинских тайн. Сайфу очень не хватало Лорны, просто как подруги.

Он постоянно скучал по ней, его так сильно тянуло к этой женщине... Но такого быть не могло, вот и все. И это было трудно. Сайфу было тридцать четыре года, он был крепок, молод, здоров... И когда мальчишки ложились спать, он чувствовал себя таким одиноким... и иногда, шагая утром на работу, ловил себя на том, что представляет себе сияющие рыжие волосы, прекрасные веснушки, теплый смех...

Но такое было невозможно. Он был женат. Он принес клятву. Тот факт, что его так тянуло к Лорне, означал лишь одно: он должен всегда держаться как можно дальше от нее. Ради всех. Он не мог дать Лорне то, чего она хотела от него.

А из Сирии по-прежнему не было никаких вестей, семья

Амины разъехалась в разные стороны, в основном в Турцию, и связаться с ними было трудно. Сайф сумел узнать только то, что жена однажды утром пошла купить еды мальчикам и больше уже не вернулась домой.

Сайф был ученым. Его учили мыслить рационально. И здесь была приложима бритва Оккама – научная концепция, говорящая о том, что простейшее объяснение чего бы то ни было почти наверняка оказывается правильным.

Но все равно оставался какой-то шанс. Крошечный шанс, что Амина жива. Мизерный шанс, что у его мальчиков есть мать и его семья восстановится. Сайф должен был в это верить. Должен был.

Но он отчаянно тосковал по своей подруге.

Глава 11

Когда Сайф вернулся в хирургию, там его ожидала обычная очередь пожилых леди, некоторых неохотно сопровождали мужья. Он окинул их взглядом. Диабет, повышенное кровяное давление, успокоительные... и кое-что для миссис Джиффни. Насчет нее Сайф около месяца назад совершил ужасную ошибку: он просто не в силах был подобрать что-нибудь такое, что излечило бы ее загадочные боли в боку. Сайф не мог найти их причины, скорее всего, они были связаны с ее привычкой носить свою собаку на бедре во время дождя, который шел едва ли не постоянно, и доктор предложил ей традиционное травяное растирание, которое использовалось на его родине, вместо дорогих согревающих мазей. Растирание прекрасно помогло, к тому же наступила необычайно сухая погода, и с тех пор миссис Джиффни преисполнилась убеждения, что Сайф на самом деле – некий шаман, она стала всем говорить, что следует попросить у него традиционные средства... и удивительное множество людей последовало ее совету.

Сайф был убежден в том, что сочетание современных и традиционных методов способно принести огромную пользу. Сами по себе народные средства не слишком сильны, иначе он бы с радостью ввел их в свою практику. Но это не убеждало миссис Джиффни, как и ее древних подружек, –

теперь они постоянно спрашивали, не может ли доктор прописать им какие-нибудь припарки или травы вместо официальных препаратов, которые он предлагал. Сайф постепенно признал свое поражение, купил через Интернет сухого кориандра и прописывал принимать его по щепотке вместе с настоящими лекарствами, подчеркивая, что это поможет только при приеме того, что написано в рецепте.

– Что такое «рождественская пьеса»? – спросил он Джинни как можно небрежнее.

Он более или менее знаком был с этой историей, но ему было непонятно, что затевается в школе.

Джинни расплылась в улыбке:

– О да, они же в главных ролях, правда? Но, вообще-то, любопытно... получить хорошую роль только потому, что ты родился на Среднем Востоке?

Джинни всегда все знала.

– А это плохо?

– Да я просто шучу, – сказала Джинни. – Это же кульминация Рождества! Дети в школе готовят постановку. На ферме Маккензи будет большой праздник. – Она нахмурилась, увидев встревоженное выражение на лице Сайфа. – А вы что, не хотите, чтобы они участвовали в спектакле?

Сайф постарался ответить честно.

– Мы в новой стране, – сказал он, гадая, как отнесутся ко всему социальные службы. – Мы... мы будем делать... то, что требуется.

– Вообще-то, это не считается тяжелой нагрузкой, – объяснила Джинни. – Обычно на это смотрят как на большое развлечение. Но никого не принуждают...

Сайф вздохнул:

– Нет-нет, все прекрасно.

– Наверное, в Рождество вам тяжело, – с сочувствием произнесла Джинни.

Она имела в виду, что он одинок. А Сайф подумал, что она подразумевала другое: что ему пока что не приходилось с этим сталкиваться. Они кивнули друг другу. Сайф взял карты сегодняшних пациентов и пошел в кабинет.

Глава 12

Джоэл ненавидел Нью-Йорк. Даже в снежные сумерки, самое прекрасное время, воздух все равно наполняли выхлопные газы и запах горячих сосисок, громкие голоса людей и сигналы машин, пытающихся пробиться через центр города.

Колтон занимался тем, что доктора называли «приведением дел в порядок», что в его случае означало очень многое, и Джоэл был здесь для того, чтобы проверять документы. Готовность. Колтон хотел подготовиться. Все его деньги предназначались для благотворительных фондов, кроме собственности на Муре: дом и отель «Скала» должны были перейти под присмотр Финтана. Это был простой, прямолинейный процесс, и никто не должен был в него вмешиваться.

Но тут крылось и кое-что другое – для Джоэла это было испытанием. Летом он перенес нервный срыв, который стал для него чем-то вроде настройки, как обычно говорил Марк, – подготовкой к новой, более спокойной жизни. Да, это трудно. Но если он должен все же хоть немного работать, то надо проверить себя. Джоэл провел тут уже три дня, оставившись у Марка и Марши, так что ему не нужно было сидеть в одиночестве в номере какого-нибудь отеля, а еще они не давали ему возможности слишком углубляться в себя.

Но в первый вечер после приезда Джоэл и сам удивился тому, как спокойно он себя чувствовал. Он сидел в прекрас-

ной квартире Марка на верхнем этаже дома довоенной постройки, в Верхнем Ист-Сайде. В маленькой гостиной горел камин, окна были плотно закрыты, не пропуская внутрь городской шум.

– Мне здесь больше нравится, когда идет снег, – заметил он. – Чувствую себя почти как дома.

– Ну это же Нью-Йорк, – сказала Марша, целуя его. – Здесь вечно или мороз, или жуткий ветер.

– Но дома каждый день вот так, – с улыбкой проговорил Джоэл. – К этому привыкаешь.

– Ты вроде произнес слово на букву «д»? – спросил вошедший Марк.

На нем был огромный джемпер, делавший его похожим на греческого Санта-Клауса.

Улыбка Джоэла стала шире.

– Спасибо еще раз за прошлое лето, – сказал он.

– О, дело не в нас, – покачал головой Марк. – Благодарю свою девушку.

Джоэл сделал большие глаза.

– Ну ладно... – пробормотал он. Супруги выжидающе смотрели на него. – Что?

– Мы просто гадаем, как там дела, – сказала Марша. – Ну, мы не о бизнесе, конечно...

Глава 13

Флора готовила печенье с пряностями и думала, не следует ли ей позвонить Джоэлу. Нет. А может, она могла бы попросить совета у Финтана и заодно отвлечь его от тяжелых мыслей... Нет, так тоже нельзя. Чем больше людей узнает обо всем раньше Джоэла, тем хуже. Это факт.

Флора в раздумье бормотала себе под нос, совершенно не обращая внимания на девушек, когда звякнул колокольчик над входной дверью. Сначала она подумала, что это вернулся русский моряк, чтобы повидать Иону, но вошел человек, совершенно непохожий на военного: он был крупным, на нем были синие джинсы с широким поясом, над которым выпирал живот. И еще на нем была клетчатая рубашка и странная короткая куртка, расстегнутая, что выглядело неразумным в такую погоду. У него были густые брови, свежая кожа, и лет ему было, наверное, за пятьдесят.

Флора натянула на лицо улыбку. Наверняка какой-то турист, справедливо предположивший, что Рождество на островах может стать необычным опытом, будет о чем рассказать друзьям. Но он не прочитал в рекламках то, что было написано мелким шрифтом о погоде.

– Привет, – окликнула его Флора. – Могу чем-то помочь? Мужчина прищурился:

– Привет.

Он был американцем, как Флора предположила при первом же взгляде на него.

– Могу быть вам полезна? – вежливо улыбаясь, снова спросила она.

Он не улыбнулся в ответ, что было не по-американски. Обычно люди из Соединенных Штатов приходили в восторг, очутившись на острове, и ощущали потребность тут же рассказать, что их прапрабабушка тоже родом то ли с этого острова, то ли с одного из соседних, или из Ирландии, что, в общем, одно и то же. Не так ли, милая, ладно, не важно, просто они здесь в туристической поездке...

– Я кое-кого ищу, – с излишней торжественностью заявил мужчина.

Флора тут же представила, как в баре на Диком Западе пианист замер, перестав играть.

– Да? – осторожно произнесла она.

Как бы долго она ни жила вдали и как бы далеко ни уезжала, она была до мозга костей девушкой Мура. Она знала всех на острове, и все знали ее, – а этот тип был чужаком. Поэтому она продолжала вежливо улыбаться, но слегка встревожилась.

Мужчина подошел ближе. Он окинул взглядом кафе, как будто и не замечая ничего, и Флора заволновалась сильнее. Потом он посмотрел на нее, и его серовато-голубые глаза показались ей знакомыми, но она не могла сообразить, кого они напоминают.

– Я ищу Колтона Роджерса, – почти прорычал мужчина.

Флора моргнула. Что-то было в этом человеке... она не могла бы определить, что именно. Может быть, у нее сейчас обострились чувства. Может быть, беременность вызывает настороженность, подумала она. А может, он просто... выглядел не слишком приятно.

– Не хотите чая или кофе? – спросила она.

Мужчина бросил презрительный взгляд на большую пыхтящую кофеварку.

– Нет, – коротко бросил он.

Флоре захотелось, чтобы этим утром в кафе не было так тихо. Да и снаружи висел густой морозный туман, что делало атмосферу зловещей.

– А... а зачем он вам нужен? – вежливо поинтересовалась она.

Мужчина вздохнул и вдруг показался очень усталым.

– Он мой брат, – ответил он.

Теперь Флора поняла, почему его глаза показались ей знакомыми. Они были такого же стального оттенка, как глаза Колтона. Но взгляд Колтона смягчался при улыбке, и от его глаз разбегались веселые морщинки... Ну то есть так было прежде. Когда он заболел, его лицо стало вялым и отекившим – Флора предполагала, что от медикаментов. И морщинки исчезли, лицо стало почти совершенно гладким. А сильно похудев, Колтон стал выглядеть невероятно молодым, почти ребенком.

Этот мужчина был другим, но все равно сходство можно было увидеть. Если присмотреться. Но Флора не могла представить себе вот этого человека хохочущим от всей души.

Она принялась протирать чашки.

– А он знает, что вы собрались приехать? – спросила она.

Мужчина фыркнул.

– Нет. Колтон не желает... – он подчеркнул это «не желает», – иметь с нами что-то общее. В конце концов, мы всего лишь его кровная родня.

Флора уставилась на него.

– Ну я не могу... то есть... А вы говорили с Финтаном?

Мужчина сдвинул брови:

– С кем?

Глава 14

В итоге Флора, улыбаясь изо всех сил, извинилась, ушла в кухню и тут же позвонила Финтану.

Голос Финтана звучал приглушенно, но он тут же, сказав несколько утешающих слов Колтону, вышел из спальни. Флора слышала, как он закрыл за собой дверь.

– Как он? – спросила она.

– Умирает, – резко ответил Финтан. Но тут же поправил себя: – Прости, Флорес. У нас была очень, очень плохая ночь. Мне все время казалось, что он перестал дышать.

– Черт... – пробормотала Флора.

Других слов она просто не нашла.

– Ему хуже, чем было тогда, когда ты приходила, – продолжил Финтан. – Я его теряю... – В его голосе слышались слезы. – Он просто уходит все дальше и дальше... И я его уже не вижу. Не вижу того, кем он был.

– Но он пока еще здесь, – сказала Флора.

– Не думаю. – Голос у Финтана сорвался, он задохнулся. – Флора... я думаю, он хочет уйти.

Флора промолчала. Она была согласна с братом. Мир Колтона теперь был наполнен болью, боль пожирала его изнутри. Конечно, он хотел уйти. У него остался всего один выход, как ни тяжело это было для всех.

– Он не... он не хочет оставаться здесь из-за меня, – почти

прошептал Финтан.

– Я знаю.

Ей совершенно не хотелось сообщать Финтану то, что она должна была сообщить.

– Слушай, здесь в кафе... один человек, – зашептала она.

– А? – не расслышал Финтан.

– Здесь кое-кто...

– Эй... погоди... Тебя что, заперли? Там грабители?

– Нет! С чего ты взял?

– Ты шепчешь! Я подумал, тебя взяли в заложники.

– Тогда зачем бы я звонила тебе?

– Вот спасибо!

По крайней мере, он слегка пришел в себя, подумала Флора.

– Нет. Я хотела сказать, тут пришел один тип... и заявляет, что он брат Колтона!

Никто из родных Колтона не приехал на его свадьбу. Они просто отказались от него, когда выяснилось, что он гей, так что и он не желал видеть их рядом и называл родню толпой жирной деревенщины.

– Боже ты мой! – воскликнул Финтан. – Он ведь даже не сообщал им, на каком острове живет!

– Ну да, вот только если бы он не изобрел Интернет, – сказала Флора.

– Колтон не изобретал Интернет... он просто вложил в него кучу денег...

– Чего ты от меня хочешь? – вздохнула Флора. – Сказать ему, что Колтон здесь не живет? Просто соврать? Мне он не нравится.

– А, к тебе уже вернулось недоверие островитян к посторонним, – сказал Финтан. – Это хорошо. Боже мой, я не знаю... А что, если Колтон хочет о нем узнать?

– Хочет ли?

– Он всегда говорит, что не желает... но, понимаешь... А если это бравада? То есть ты понимаешь... Если даже они такие же надоедливые, как, например, ты... В конце концов, родные ведь люди...

– А его мать вообще знает, что он при смерти? – тихо спросила Флора.

Последовала долгая пауза. Потом Финтан сказал:

– Ладно. Давай я попробую с ним поговорить. Как его зовут?

Флора пожала плечами, что было ясно даже по телефону.

– Ох, паршивый из тебя детектив. Ладно, Колтон хочет поспать... Я к тебе заскочу. Ты его не отпускай.

– И как я это сделаю?

Но Финтан уже отключил связь.

Финтан осторожно вернулся в спальню. Тяжелые гардины были раздвинуты, но снаружи висел такой густой туман, что казалось – дом плывет в нем. Колтон не спал, но его взгляд был рассеянным, он смотрел в никуда, и трудно было понять,

здесь ли он на самом деле.

– Колт? – окликнул его Финтан, тихо подходя к кровати.

Колтон едва заметно улыбнулся, что было в любом случае хорошим знаком.

Финтан сел на край кровати и потянулся к рукам Колтона, стараясь не задеть капельницу:

– Ладно... тут такое дело... Похоже, в город приехал твой брат.

Это произвело на Колтона ошеломительный эффект. Ему словно вкололи дозу адреналина. Он попытался сесть, он даже поднял голову над подушкой. Но куда важнее было то, что его взгляд мгновенно сфокусировался, пусть на мгновение, став его прежним острым взглядом.

– Трипп? Этот сукин сын? Ты серьезно? Однако он храбреец!

Финтан уставился на него во все глаза.

– Что? – сказал Колтон. – Я не желаю, чтобы он вообще здесь появлялся.

– Э-э-э...

– Я не шучу, Финтан. Ты меня слышишь? Я ненавижу этого выродка!

И в это мгновение Финтан полюбил брата Колтона, как никого на свете, – за то, что тот на миг приподнял завесу уныния, вернул ему Колтона – пусть и разъяренного.

– Я тебя слушаю и слышу, – сказал Финтан, крепко сжимая пальцы Колтона. – Хорошо. Скажи, что делать с этим

козлом?

Трипп согласился на большой стакан кока-колы и теперь сидел, мрачно попивая ее и глядя на свой телефон.

– Какой тут у вас пароль вайфая? – прорычал он.

– Боюсь, у нас его вообще нет, – ответила Флора.

Раньше он был, но посетители постоянно жаловались, что связь то и дело прерывается, так что Флора наконец просто отказалась от вайфая. К тому же это избавляло ее от тех, кто в плохую погоду готов был целыми днями сидеть в кафе, взяв лишь одну чашку чая. Она им сочувствовала, но ей ведь приходилось зарабатывать на жизнь, – а в случае необходимости Интернет был в маленькой библиотеке.

– Черт бы вас побрал! – сообщил Трипп.

– И от... Финтана до сих пор нет звонка.

Мужчина никак не отреагировал на эти слова, он просто откинулся на спинку стула с таким видом, словно не намеревался сдвинуться с места, пока не получит ответа.

– Хотите чего-нибудь перекусить? – стараясь быть вежливой, спросила Флора.

– Да, не отказался бы от бургера, – сказал мужчина.

Флора нахмурилась:

– Э-э-э... Боюсь, бургеров у нас нет. Но есть пирог киш.

– Киш? – повторил мужчина так, словно она предложила ему съесть велосипед. – Нет, спасибо. – Он оглядел кафе. – А оладьи есть?

Обычно оладьи в кафе не подавались, но Флоре так хотелось сбежать в кухню, хоть ненадолго, и к тому же она ничего не имела против того, чтобы приготовить такую простую вещь, как оладьи, так что она улыбнулась и ответила:

— Конечно найдутся.

Он попросил еще кленового сиропа и бекона, и это у нее имелось.

Флора понятия не имела, сколько оладий ему нужно, так что поджарила девять штук, и он съел их все и вроде бы даже огорчился, что их так мало. За это время пришли еще четыре компании посетителей, увидели, что он ест, и тоже захотели оладий, а поскольку готовить их было более чем легко, а стоили они вообще нисколько, Флора решила включить их в постоянное меню, и в итоге оладьи превратились в великолепный способ добывания денег. В результате чего у Флоры появилась как минимум одна причина, чтобы быть благодарной брату Колтона.

— А вы к нам надолго? — спросила она.

Он сделал большой глоток колы:

— Пока не знаю.

И снова занялся едой.

Финтан явился сразу, как только пришел с ежедневным визитом Сайф. Он ненадолго замер на месте, увидев мужчину, сидевшего в кафе и поедавшего оладьи, потом направился к Флоре, взглядом предлагая ей выйти в кухню.

– С виду он не слишком симпатичный, – сказал он, как только они очутились рядом с кухонными плитами, и Флора прибавила громкость радио.

– Согласна, – кивнула Флора. – Хочешь, скажу ему, чтобы он просто ушел?

– Ну... тут такое дело...

И он рассказал о том, как Колтон внезапно очнулся, проявив острое внимание.

– погоди, – сказала Флора. – Ты говоришь, это хорошо, что он явился?

Финтан грустно посмотрел на нее, под его глазами лежали темные круги:

– Он вернулся, понимаешь? Флора, он вернулся! Он ожил! Он со мной! Он реально был рядом!

– Но он был в ярости!

– Да, черт побери! – согласился Финтан. – Но, Флора... в другом случае он просто уплыл бы в никуда.

– То есть ты считаешь, что хочешь использовать злость Колтона?

– Ох, боже... – вздохнул Финтан. – Когда ты так говоришь, это звучит ужасно.

Флора тоже вздохнула. Финтан посмотрел на нее, как будто увидел впервые:

– А с тобой-то что? Ты выглядишь толстой.

– Заткнись! – огрызнулась Флора. – Я просто подумала... ну, о семьях...

– То есть о сборище людей, которые считаются близкими, как бы они тебя ни раздражали? – уточнил Финтан.

– Ну да... и это тоже. Но... все равно. Я хочу сказать, если бы у меня был сын или... если бы один из моих братьев лежал при смерти...

– Даже Хэмиш?

– Даже Хэмиш. Да заткнись ты! – огрызнулась Флора. – Ведь это единственный родственник, которого он может сейчас повидать...

– Неправда, – возразил Финтан. – Потому что у него есть я.

– Это понятно. Я просто пытаюсь хоть как-то помочь. Есть две причины, по которым тебе следует разрешить этому типу встретиться с Колтоном. Во-первых, он заставил Колтона очнуться. Во-вторых... я думаю, может, это было бы правильно.

– А что, если он вообще полное дерьмо?

– Но мы не выбираем родных, – напомнила ему Флора. – И уж ты-то хорошо это знаешь.

Они коротко улыбнулись друг другу, потому что их прежние ссоры давно были забыты.

– А ты все равно стала толще, – сказал Финтан. – Ой, ты что, оладьи жаришь? А мне можно?

Глава 15

Трипп остановился в «Харборс рест», как заметила на следующее утро Флора, когда шла в «Кухню» и увидела огромный блестящий внедорожник, стоявший перед отелем. Большинство приезжавших на Мур не привозили с собой машины: им не хватало храбрости ездить по узким проселкам, да и в любом случае остров был предназначен для пеших прогулок, для того, чтобы за каждым поворотом открывался новый вид и чтобы можно было обойти шотландских куропа-ток, не спеша, с важным видом бредущих прямо по середине дороги, понаблюдать за полетом цапель, при виде старых каменных стен подумать о том, какой была здесь жизнь в древности, а осенью полюбоваться яркой листвой и тем, как меняются краски на холмах, когда понемногу уходит за горизонт солнце... На машине можно было объехать Мур очень быстро. Но тут возникал другой вопрос: а за каким чертом вам бы захотелось это делать?

Именно поэтому Флора и решила, что брат Колтона поселился в отеле, и вскоре она убедилась в справедливости своего вывода, когда полчаса спустя Трипп с затуманенным взглядом ввалился в кафе. Флора подумала, не слишком ли он увлекся дегустацией виски из пыльных бутылок Инге-Бритт, когда он очень грубо высказался насчет качества кофе в «Харборс рест», но так показалось бы только тому,

кто никогда не пробовал кофе в гостинице.

Как могло случиться такое, что двое братьев оказались не способны провести хотя бы одну ночь под общей крышей, гадала Флора. Что произошло? Как может семья развалиться с такой скоростью?

Потом она подумала о семье Джоэла, задумчиво поглаживая живот, и постаралась не волноваться.

Трипп плохо себя чувствовал из-за смены часовых поясов и был растерян. Почему здесь так чертовски холодно? Он думал о тех инструкциях, с которыми его прислала сюда наскоро собравшаяся в Делавэре семья.

Было единогласно решено, что поехать следует именно ему, учитывая, что его глупая сестра в очередной раз разводилась, так что ей было не до того, а родители уже слабели. К тому же его отец до сих пор считал Колтона никудышным сыном. То есть, вообще-то, ему было уже все равно, но проблема оставалась.

Трипп вздохнул. Тогда казалось несложным приехать сюда, в Шотландию, или где там скрывался Колтон. Он предполагал прийти к брату и сразу с ним разобраться, как делал это всегда, когда они были еще маленькими и Колтон был тощим и занудным, он никогда не участвовал в шумных играх или драках. Всегда в себе, со своим маленьким компьютером, всегда занимался какими-то странными играми.

Но Колтоном легко было командовать. В старших классах

Трипп забавлялся тем, что превращал жизнь занудного брата в сплошное несчастье. Триппа это веселило. И это должно было научить Колтона вести себя по-мужски. Отец с ним соглашался. Джейни, их сестра, вообще братьями не интересовалась. Отец считал, что Колтон должен научиться стоять на собственных ногах и давать отпор. Но этот вечно хнычущий сопляк никогда не давал сдачи, и дети обзывали его весьма нелестно.

Да, Трипп считал Колтона жалким, позорящим его. Он что, не понимал, что нужно всего лишь ударить в ответ? Вступить в схватку, и только, ведь если даже проиграешь, все равно завоеуешь уважение. Это же не было трудно? Ладно, пусть он не хотел играть в футбол, но он был достаточно высоким для баскетбола. Или хоть для чего-нибудь. Мог бы не сидеть в лаборатории весь обеденный перерыв, черт его побери!

Трипп вообще не понимал, почему они представляют одну семью. Колтон раздражал даже их мать своим вечно сопливым носом, легкой астмой и сенной лихорадкой. Колтон всегда был готов заболеть чем угодно. Трипп был уверен, что брат просто старается отлынивать от школы.

Сам Трипп получил высшее образование и стал работать вместе с отцом, продавать машины. Он прекрасно с этим справлялся: умел найти нахальный комплимент дамам, поговорить с мужчинами о спорте... Он жил все в том же городе, женился на самой крутой девочке из их школы, – правда,

она оказалась настоящей занозой в заднице, хотя и ясно стало со временем, что она о нем думает точно так же.

А Колтон уехал, когда ему исполнилось восемнадцать, в самый дальний от дома колледж, какой только сумел найти, что-то технологическое, что бы это ни было. После этого Трипп потерял к нему всякий интерес.

А потом его глупый, жалкий братишка стал появляться в газетах. Сначала это были мелочи: небольшие заметки на деловых страницах, которые Трипп не читал, но которые его мать тщательно вырезала и хранила.

Дальше – больше: Колтон перешел на первые страницы, вокруг него уже начался серьезный шум, но Трипп не пытался понять причины, ему непонятно было, почему звучат слова «разрушитель» или «вундеркинд». А потом началось то, что Триппу читать уже хотелось, вроде слова «миллиардер».

И Колтон никогда не приезжал домой. Никогда. Ни на День благодарения. Ни на Рождество. Он не явился ни на свадьбу Триппа, ни на свадьбу Джейни. Он просто каждый раз присылал им солидные чеки, на такие суммы можно было купить дом. Джейни фыркала, обналичивала чек и больше никогда о Колтоне не упоминала. Трипп пару раз пытался позвонить брату, но ему удавалось поговорить только с секретарем.

Колтон заплатил и за дом их родителей, тихо, без шума вернул деньги за свою учебу в колледже и еще кое-что добавил, – как они подсчитали, это была средняя сумма, которую

тратили семьи на то, чтобы вырастить ребенка от рождения до восемнадцати лет, с учетом инфляции.

И на том все кончилось. Семья Роджерс, вместо того чтобы испытывать благодарность, злилась все сильнее. Несколько сотен тысяч – что это для миллиардера? Но хуже всего было то, что весь город знал: Колтон из их семьи. Вокруг шептались: а почему они-то не разбогатели? Почему они до сих пор живут в обычных домах, ездят на обычных машинах? Почему Колтон никогда их не навещает? Миссис Роджерс чувствовала себя неловко, играя с дамами в карты, хотя обычно она сама заставляла других испытывать неловкость. Их отец вообще никогда не упоминал об уехавшем сыне, унизившем его тем, что выплатил ипотеку за дом.

Джейни не особо обращала на все внимание. Но Триппа это жгло. Да, он хорошо зарабатывал на автомобилях, конечно хорошо. Но ему приходилось надрываться каждый день – и в жару, и в холод, от рассвета до заката. Он не знал, чем целыми днями занимается Колтон, но видел фотографии. Похоже было на то, что у брата целый парк частных реактивных самолетов, он красовался на обложках журналов.

А потом внезапно во всех газетах прогремело: Роджерс приостанавливает все инвестиции, изымает капитал, продает свои предприятия. Это взволновало рынок... да, его глупый маленький братец смог действительно пошатнуть фондовый рынок, когда все стало известно. И появились новые заголовки. Роджерс скрылся где-то. Конечно, такое вполне

естественно для эксцентричного миллиардера. Но семью это обеспокоило. Что он вытворяет? Что пытается скрыть? И, что куда более важно, какого черта он собирается делать со всеми этими деньгами?

А тем временем их отец старел, и слабел, и скупился сильнее прежнего, становилось ясно, что их мать уже не может этого выдержать. Они нуждались в деньгах, чтобы присматривать за ним, но ни у Триппа, ни у Джейни не было денег после разводов, они ничего не отложили, но они и не могли выгнать мать из ее дома.

«Форбс» сообщал, что Колтон все больше времени проводит на каком-то далеком шотландском островке и даже не возвращается к своим планам строительства площадок для гольфа, – собственно, эти работы даже не начинались. Этого оказалось достаточно для того, чтобы семья собралась вместе и решила выяснить, в чем же дело. Триппу не хотелось смотреть на это как на попрошайничество. Только выяснение. Семья кое в чем нуждалась, а у брата были миллиарды. Так что... Простая справедливость.

Флора все-таки принесла ему кофе. В конце концов, Трипп был, как ни смешно, ее родственником. И выглядел он крайне утомленным.

– Хорошо спали?

Трипп посмотрел на нее. Под глазами у него висели огромные мешки.

– Нет, – ответил он. – Как спать, если вокруг собаки лают?

Флора нахмурилась. Насколько она знала, ни одна из собак на Муре не имела привычки лаять без причины, она ведь действительно знала их всех. То есть пастушеские собаки, конечно, лают, когда работают, но не ночью же... Ох.

– Это не собаки, – сказала она.

Он уставился на нее:

– Э-э-э?..

– Вы слышали тюленей.

– Тюленей?

– Ну да, знаете... это такие толстые серые существа.

– Ну, может быть. Я не знал, что они лают.

Флоре становилось все более и более понятно, что Трипп Роджерс очень многого не знает, и она постаралась быть внимательной, потому что не ее делом было сообщать ему об этом.

– Так вы... вы сегодня собираетесь повидать Колтона? – осторожно спросила она. И, едва произнеся эти слова, сразу встревожилась.

– Надеюсь. Мне приходится ждать, что скажет этот его управляющий.

Флора снова нахмурилась.

– Вот только... не припомню его имени. Такой весь шлюховатый на вид.

Последовала пауза. Флоре вдруг отчаянно захотелось вылить весь кофе из кувшина на голову Триппа. Но она во-

время вспомнила о том, что американцы ужасно вздорны и драчливы. Но тем не менее... есть же пределы!

– Простите, – сказала она, – но, боюсь, здесь такие выражения неприемлемы. Вам придется уйти.

– Да вы издеваетесь!

– Нет, – ответила Флора. – Уходите.

Взгляд Триппа метнулся к кухне, где Иона жарила первую партию сосисок, и их соблазнительный запах уже просочился в зал. И еще на прилавок как раз выложили первые свежие, пухлые буханки хлеба миссис Лаэрд, теплые, душистые. Его лицо изменилось.

– Но где...

– Вы можете поесть в «Харборс рест», – твердо произнесла Флора.

Она, конечно, прекрасно знала, что Инге-Бритт вряд ли приготовит завтрак в ближайшие полчаса, но ее это ничуть не беспокоило. Она даже побледнела от гнева.

– Ну, знаете ли... – спохватился наконец Трипп. – Что за времена?! Мужчина и слова сказать не может?

– Вы можете, – холодно ответила Флора. – Вы можете говорить все, что вам вздумается. Только не в моем заведении.

– Ч-черт! – буркнул Трипп и прошипел себе под нос еще что-то, очень похожее на слово на букву «б».

Но все же тяжело поднялся со стула. Он повернулся, чтобы уйти, а Флора тут же разозлилась на себя за то, что не выяснила, что вообще происходит. Однако это не разозлило

ее так же сильно, как то, что этот человек был груб по отношению к ее брату.

Глава 16

Настроение Триппа ухудшилось еще больше после совершенно несъедобного завтрака, приготовленного на грязном гриле Инге-Бритт. Он вышел на улицу, потянулся, не обращая ни малейшего внимания на прекрасные розовые краски свежего утра: вчерашний туман рассеялся, перед глазами раскинулся великолепный вид – справа находились причалы, чистая светлая вода тянулась от континента, а первый паром, привезший людей и всякую всячину, аккуратно подходил к маленькой пристани.

Но Трипп мог думать лишь о том, как все это странно – то, что он должен был встретиться с братом впервые за двадцать лет. Но может, удастся врезать ему еще разок...

Он собирался круто поговорить с братом насчет визита к родителям. Они по-прежнему жили дома, но... Отец целыми днями смотрел канал «Фокс» и обрушивал теории заговора на любого, кто заходил к ним. Он нуждался в помощи: ноги ему отказывали.

Интересная девушка в отеле – гостиница была грязной, но девушка по-настоящему хороша – объяснила Триппу, что он должен держаться верхней дороги к высокой части острова. Он спросил, не может ли он заблудиться, а она посмотрела на него так, словно не поняла вопроса. Поэтому Трипп сел в свой внедорожник и был уже за городом, когда сообразил на-

конец, что едет не по той стороне дороги, и поэтому встречные машины мигают ему фарами. В общем, он был уже в самом отвратительном настроении к тому времени, когда доехал до ворот бывшего дома шотландского пастора, и все стало еще отвратительнее, когда ему пришлось выйти из теплой машины на пронизывающий северный ветер и сообщить о себе в микрофон у ворот, да еще и показаться под камерой. В конце концов, он был братом Колтона, а не каким-нибудь грабителем, который проделал долгий путь до этой чертовой дыры, чтобы что-нибудь украсть.

Ворота неторопливо и тихо открылись перед ним, и Трипп поехал по великолепной дороге, злясь все сильнее из-за ухоженного гравия, подстриженных кустов по сторонам, из-за оленя, проскочившего перед машиной... а там что, павлин?

Наконец он очутился перед прекрасным старинным каменным домом и увидел прелестные нововведения: в красивой оранжерее с витражными стеклами расположились спортивный зал и бассейн, в контейнерах под окнами выстроились ровными рядами хвойные растения, за домом безупречная лужайка тянулась до самого пляжа, каждое из передних окон смотрело на море, а боковые были обращены к городу и порту и на нечто похожее на отель. Наверное, это о нем упоминали.

В любом случае все выглядело так, словно Колтон отошел от дел не потому, что разорился, а это уже было кое-что. Трипп увидел и большой гараж, одна из его дверей бы-

ла приоткрыта, и там виднелись несколько сияющих автомобилей, и в их числе огромный «рейнджровер». На лужайках трудились садовники.

Трипп, уже сильно нервничая, резко выдохнул, выпустив изо рта большой клуб пара, и шагнул к гигантской парадной двери, выкрашенной в черный цвет. И в этот же момент дверь бесшумно открыла женщина в черно-белом платье, она вежливо улыбнулась и провела Триппа в огромную кухню, которая, в противоположность со старинной внешностью дома, представляла собой футуристическое современное пространство с двумя плитами, мощным холодильником, обеденным столом на двенадцать человек и мрачным Финтаном, сидевшим за отдельным баром для завтраков.

Финтан встал. Он тоже нервничал, Трипп был очень крупным мужчиной. Колтон вообще никогда не упоминал о нем, он лишь объяснил, почему на свадьбе нет его родных: они так и не приняли его нетрадиционную сексуальную ориентацию.

Но с того момента, как прозвучало имя его брата, Колтон всю ночь был беспокоен, ворочался, интересовался окружающим. Прежде он просто лежал лицом к стене. И вот... Это было нечто новое.

Финтан понятия не имел, правильно ли он поступает. Не было ли жестокостью так волновать Колтона только для того, чтобы он, Финтан, мог достучаться до него в последний раз,

мог провести еще несколько мгновений с человеком, которого любил, как никого в мире.

Он сделал мысленную заметку насчет того, чтобы при случае поговорить об этом с Сайфом. Неразговорчивый врач стал в это время настоящим источником утешения: он не сыпал банальностями, – наверное, он их просто не знал, был всегда честен и откровенен. А это редкий дар.

Но вот сейчас... С этим он должен был справиться сам. Флора прислала ему три слова: «*Козел уже едет*», когда заметила, что машина Триппа исчезла с того места, где он оставил ее на ночь, – прямо перед «Кухней», нагло, но, к сожалению, правильно предположив, что на Муре вряд ли кто-то заботится о соблюдении правил дорожного движения.

В слабом свете зимнего солнца светлые серые глаза Триппа напомнили Финтану его брата, но это была единственная их общая черта, насколько он видел. Он глубоко вздохнул:

– Вы хотите видеть Колтона?

– Он мой брат, – пожал плечами Трипп.

– Это мне известно. А вы знаете, кто я?

Трипп наконец понял:

– Вы его...

Он не смог выговорить «бойфренд». В Техасе просто не говорят так. То есть в смысле мужских отношений. В Остине был один бар для геев, но там они были каким-то другими...

Трипп покраснел. Он никогда прежде не произносил эту фразу, но слышал такое по телевизору.

– Вы его... партнер?

Это прозвучало коряво, по-ковбойски, и Финтан чуть не хихикнул. Да, меньшего сходства между братьями и быть не могло. Это показалось бы даже забавным...

– Нет, – сказал он. – Я его муж.

Лицо Триппа приобрело настолько комичное выражение, что Финтан слегка устыдился. Трипп даже рот разинул, видит бог!

– А... ладно, – пробормотал Трипп. – Хорошо.

Внутренне он кипел яростью. Что это может означать для них, кровных родственников Колтона? То есть это ведь не мог быть настоящий законный брак? Не могут же они быть мужем и мужем? Или могут? Он бросил взгляд по сторонам в поисках каких-нибудь детских вещей.

– Я так понимаю, что вы довольно долго не видели Колтона? – сказал Финтан. – Хорошо, что вы приехали, – неприязненно добавил он.

– Да? – пробормотал Трипп.

Он не думал, что кто-то может так на это посмотреть. Он просто хотел выяснить все с Колтоном, добиться, чтобы за матерью и отцом хорошо присматривали... и, конечно, чтобы и ему что-то досталось.

– Ну, надо же было когда-то...

– Да... но... понимаете... – заговорил Финтан.

– Понимаю что? – нахмурился Трипп.

Финтан моргнул. Он, само собой, предполагал, что Трипп

уже обо всем слышал и приехал попрощаться. Но теперь становилось совершенно очевидным, что дело не в этом. Что ж, если он не знал, что Колтон женат...

О господи...

– Трипп, может, вы сядете? Хотите воды?

– Я бы хотел просто увидеть брата, и все.

– Я серьезно. Сядьте.

Глава 17

Финтан изложил все так просто и бесстрастно, как только мог, то есть не слишком удачно. Но он знал, что легко и не может быть. Теперь для них никогда не настанет утро, каким бы оно ни было снаружи. Какой бы чудесной ни была комната, в которой он просыпался, каким бы прекрасным ни был пейзаж за окном. Если он спал в комнате Колтона, он постоянно слышал писк медицинских приборов, и сиделка заходила каждые два часа, и он просыпался каждый раз, когда ритм дыхания Колтона менялся или он издавал какой-нибудь звук.

Но спать одному, в другой части огромного дома... нет, это было самое одинокое место во всем мире. Кровать была слишком большой, толстый ковер слишком заглушал звуки. Финтан просыпался и начинал беспокойно ходить по спальне.

Втайне он даже хотел бы вернуться обратно, в фермерский дом, — так чтобы рядом были Флора, Иннес, Хэмиш, отец, и Брамбл сопел бы у плиты, свернувшись клубком, во сне видя себя щенком, который совал нос куда только мог.

Но в остальном это был его долг, он обязан был стоять на вахте. До самого конца. Этот прекрасный дом стал его тюрьмой, а он — своим собственным тюремщиком.

Конечно, ничего такого Финтан не сказал здоровенному американцу, сидевшему в кухне и недоверчиво тарасившемуся на него. Трипп снял свою бейсболку, но, похоже, не знал, что с ней делать, так что то клал ее на колени, то снова сжимал в руках.

– Но он не может так заболеть, – проговорил Трипп, скрутив бейсболку в пальцах. – Черт... – Моргнув, он снова посмотрел на Финтана. – Ведь он даже маме не сообщил... – Его голос стал совсем тихим. – Должно быть, он по-настоящему нас ненавидит?

Финтан пожал плечами:

– Если честно, он вообще никогда о вас не говорил.

– Ха... – Трипп снова моргнул. – Это вроде как еще хуже.

– Но что произошло? – спросил Финтан. – Что случилось в вашей семье?

– Бог мой, это же было так давно! – пробормотал Трипп. И постарался увильнуть. – Вообще-то... можно мне чашечку кофе?

Финтан подошел к кофеварке.

– Ну, понимаете... просто... Когда я был мал, ребят вроде Колтона было, прямо скажем, совсем немного...

– Может быть, вы просто не присматривались? – уточнил Финтан.

– Конечно, – кивнул Трипп. – Но это было так давно... – На его лице вдруг отразилась боль. – Я думаю... Думаю, маме захотелось бы с ним повидаться. Вы знаете, что он нико-

гда, ни разу не приезжал домой? Никогда не давал никому шанса... ну, извиниться...

– А как относился ко всему ваш отец?

– Со мной он всегда был хорош. А с Колтоном... ну... они никогда не были близки...

Финтан выжидающе молчал.

– Он был не... наверное, он был не таким, каким папа хотел бы видеть своего сына.

– А вы были?

Трипп нахмурился:

– Простите, сэр, но я не думаю, что должен посвящать вас в детали...

– Я ваш родственник.

При других обстоятельствах выражение лица Триппа снова можно было бы счесть забавным.

Финтан встал.

– Пойду поговорю с ним, – сказал он. – Подождите здесь, пожалуйста.

Сегодня все было иначе. Обычно по утрам Финтан сидел рядом с Колтоном, сжимал его руку, или осторожно обнимал, или рассказывал местные новости и сплетни, не зная, понимает ли его Колтон, а тот то и дело впадал в дремоту.

Но этим утром Колтон лежал на спине, а не на боку, сжимая руки, все его исхудавшее тело говорило о напряжении.

И как только Финтан вошел в дверь, Колтон первым делом

пробормотал:

– Этот сукин сын явился?

В эти дни Колтон очень редко заговаривал первым. И это так порадовало Финтана, что он даже на мгновение мог притвориться, что его друг вернулся.

– Да, – ответил он, садясь на край кровати и целуя Колтона в лоб.

– Как он выглядит?

– Толстым.

– Хорошо.

– Ну, ничего нет плохого в том, чтобы быть толстым, – подшутил Финтан, совсем как раньше. Раньше... – Он выглядит заметно лучше тебя.

– В самом деле?

– Нет.

Колтон фыркнул:

– Поможешь мне сменить рубашку?

Финтан выбрал бледно-голубую льняную, которая всегда ему нравилась: она отлично подходила к глазам Колтона. Он был осторожен, остро осознавая, насколько тонкой стала кожа Колтона: его пальцы просто проваливались в нее, он видел под ней голубые линии кровеносных сосудов.

– Черт побери... – только и сказал Колтон. Рубашка повисла на нем. – А одеколон? Он меня пахнет болезнью.

Это было правдой: от Колтона пахло антисептиками и лекарствами. Но он ведь не был в этом виноват. Финтан принес

одеколон «Марк Якобс», свой любимый, стоявший в ванной комнате Колтона. Теперь Финтан не выносил этот запах.

– Ладно, как я выгляжу? – спросил Колтон, когда Финтан поднял изголовье больничной кровати, чтобы Колтон мог более или менее нормально сидеть.

А потом, спохватившись, нашел любимые белые кроссовки Колтона. Давно, очень давно Колтон не надевал никакой обуви.

– Чертовски ободряет, – сказал Финтан, зная, что заставит Колтона улыбнуться.

Сайф уже заходил к ним утром, и Финтан дал ему понять, что чем меньше морфия получит сегодня Колтон, тем лучше. Конечно, это означало и обострение боли, но Колтон старался не морщиться. Даже если бы с ним все было в порядке, при такой худобе сидеть было бы тяжело для кого угодно.

– Хочешь немножко косметики? – спросил Финтан.

– Да ты что?! Как ты мог подумать? Мой брат совсем свихнется!

Финтана охватила радость, пусть на мгновение, – радость оттого, что Колтон шутил, разговаривал, был с ним... это казалось настоящим блаженством, это были украденные мгновения, хотя Колтон морщился от боли, а Финтан делал вид, что ничего не замечает, – он действительно пытался не замечать, каких усилий все это стоило Колтону.

– Ты готов?

Колтон кивнул.

– И еще: хочешь, я дам ему по мягкому месту в любой момент?

– «Мягкое место» означает «задница»?

– Нет, – возразил Финтан.

И Колтон улыбнулся потрескавшимися губами. Финтан тут же подошел к нему и смазал его губы вазелином, потом осторожно растер его, чтобы все выглядело не слишком странно. Потом поцеловал Колтона, вдохнул запах одеколона – и вдруг его охватило странное желание заплакать и немедленно заняться с Колтоном любовью, но Колтон снова поморщился от боли...

Глава 18

Трипп таращился вокруг, не в силах сдержаться. Он ни разу в жизни не бывал в таких потрясающих домах. Здесь все было прекрасно: огромное открытое пространство кухни, большие окна, выходявшие на идеальную лужайку, покрытую инеем, а по дорожке вдали вдруг игриво проскакал олень, напугав белку, сидевшую на карликовом деревце. А пейзаж! Над головой раскинулось бесконечное небо, яркое, синее, море играло всеми красками... Это было не тем, что изо дня в день замечал Трипп. Он замечал другое: вот снова стало жарко, вот у Денни сменилось меню, вот ковбои затеяли какие-то игры...

Да, Трипп побывал как-то на курорте в Мексике, он ездил в Торонто и считал, что путешествовал немало. Но теперь он забрался так далеко, как никогда. Картина снаружи была похожа на картинку из детской книжки, но при этом абсолютное уединение дома означало, что здесь можно чувствовать себя в надежном укрытии, уютно, даже если ты смотришь на холодный мир снаружи. Это было... ну да. Здесь все по-другому, допустил Трипп.

Он вдруг вспомнил своего брата в детстве. Колтону тогда было лет восемь или около того. Один их дядюшка, которого отец недолюбливал, подарил Колтону комплект электрических схем. Нужно было соединить множество провод-

ков, и тогда загорались огоньки и работали маленькие моторчики. У Триппа тоже был такой, но у него не хватило на него терпения, и кончилось тем, что он просто расшвырял все детали по комнате. Но Колтон сумел собрать свою схему – можно было нажимать кнопки, и что-то гудело, вспыхивали лампочки, – и он смог сделать еще кое-что, а именно – заставить кружиться маленькую балерину из шкатулки Джейни. Он просто стащил ее и заставил танцевать на доске схем. Колтон показал ее матери, которую куда больше интересовали ее журналы, но тут пришел отец и наорал на него за то, что сын играет в куклы.

Трипп помнил, как завидовал способностям младшего брата и как грубо, утробно радовался, что брат навлек на себя откровенное пренебрежение отца. Колтон тогда вернулся в их комнату совершенно раздавленным. А Триппу захотелось понять, как именно Колтон все это сделал, но, так ничего и не поняв, разломал все на куски.

Колтон ничего не сказал родителям. Он вообще никогда больше не упоминал о комплекте схем, даже тогда, когда к ним зашел дядя Хауи, и отец, как всегда, пилил его за то, что тот не любит спорт.

Трипп не понимал, почему все это припомнилось ему именно сейчас.

Коридор был застелен ковром, который заглушал звуки шагов, когда Трипп шел по нему, чувствуя, что его ботинки на толстых рифленых подошвах здесь как-то неуместны.

Финтан шел впереди, не рядом. Триппа вдруг охватила ненависть к этому наглому педику, но он старался подавить ее. Если он, Трипп Роджерс, хочет с честью выйти из этой ситуации, ему нужна холодная голова. А он привык всегда побеждать, как уже убедились в этом обе его бывшие жены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.